

Лага ЛУЗИНА

CF FOLIO

Киевские ведьмы

Меч и Крест

Лада Лузина

Меч и Крест

Серия «Киевские ведьмы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4400175

Лада Лузина. Меч и Крест: Фолио; Харьков; 2008

ISBN 978-966-03-3784-8

Аннотация

Книга Лады Лузиной, самой популярной писательницы Украины 2004 года, посвящена ее любимой теме — сверхъестественному в нашей жизни. Три молодые женщины-киевлянки неожиданно для себя принимают от умирающей ведьмы ее дар. Как же они сумеют распорядиться им? Ведь они такие разные: тихоня-студентка, железная бизнес-леди и певица из ночного клуба. Все события разворачиваются в Киеве в наши дни. Но, владея магическим даром, не трудно попасть в прошлое и познакомиться с авторами "Демона" и "Трех богатырей" — Врубелем и Васнецовым. А заодно побывать на киевской Лысой Горе, где, по преданию, собирались все славянские ведьмы.

Содержание

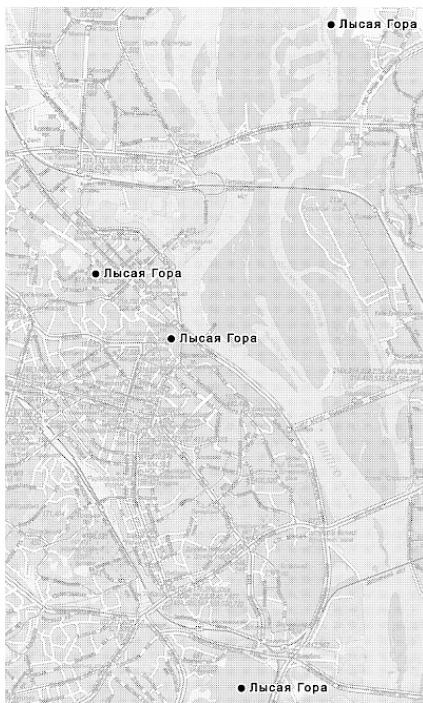
Глава первая,	6
Глава вторая,	28
Глава третья,	45
Глава четвертая,	69
Глава пятая,	98
Глава шестая,	124
Глава седьмая,	146
Глава восьмая,	178
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Лада Лузина

Киевские ведьмы

Меч и Крест

Моему городу посвящается

Глава первая, в которой появляется черный ворон

*Если ворон на церкви каркает – быть покойнику.
«Русские народные приметы и поверья»*

В ясный июльский день, незадолго до Ивана Купала, по Андреевскому спуску, выющемся змеей на Подол, шла экскурсия иностранных туристов.

Ее возглавляла красавица-экскурсовод – дама аппетитная, как корзина горячих пирожков, непонятного и не важно какого возраста. Ведь – вы согласитесь со мной, не так ли? – какая разница, сколько женщине лет, если пятнадцать мужчин неотрывно смотрят на ее грудь, с трудом отвлекаясь на другие, исторические, ценности.

– О, couleur locale!¹ – вкусно цокнул языком один, тщедушный и с д'Артаньяновским носом.

Остальные с готовностью закивали.

Нисколько не смущенная столь пристальным вниманием к двум национальным раритетам, уместившимся в ее декольте, красавица вдохновенно вещала, с той легкостью и неприужденностью, с какой женщины говорят обычно о предме-

¹ Местный колорит, местное своеобразие (франц.).

тах любовных, модных и светских:

– Посмотрите налево. Перед вами сердце Киева – Старокиевская гора. Именно здесь братья Кий, Щек и Хорив основали город, названный в честь старшего брата – Киев, – столицу древней Руси и Мать городов русских!

И голос ее прозвучал столь восторженно и хвастливо, словно речь шла не о древних князьях, а о предложении руки и сердца, полученном ею от президента страны не далее чем вчера вечером.

На небе светили солнце и прозрачная луна, что случилось в Киеве так часто, что никого особо не удивляло. Вдруг, словно кто-то сверху встряхнул чернильным пером, на небосвод капнул черный ворон, уселся на ослепительно солнечный крест Андреевской церкви и издал протяжное и громкое: «Ка-а-а-а-а!»». Красавица, уже успевшая насплетничать туристам об утерянной голове Владимира Великого, украденной из его могилы на Старокиевской Петром Могиллой, мельком нахмурилась, но продолжала бодро:

– Посмотрите направо: вы видите жемчужину украинского барокко Андреевскую церковь архитектора Бартоломео Растрелли. Церковь была построена на горе, где, согласно Нестору-летописцу, апостол Андрей Первозванный в 40-х годах нашей эры вознес свой крест как знамение будущего обращения славян в христианство. Рядом с церковью, в доме № 10 жил художник Михаил Врубель. Тут он написал первый вариант своей знаменитой картины «Демон», – красави-

да зачем-то подмигнула.

Переводчик бесцветно перевел сказанное на французский.

Один из экскурсантов занервничал: правильно ли тот переводит? Судя по тону красавицы, можно было подумать, что она только что рассказала им пикантный политический анекдот.

Ворон закричал в третий раз, сорвался с церкви и полетел на запад. Красавица задумчиво осеклась, провожая его встревоженным взглядом. И вдруг с невероятным для женщины мастерством спешно зацокала на тонких шпильках по кривым булыжникам Андреевского. Улица резко вильнула влево, потом вправо...

– Смотрим налево, – зачастила экскурсовод, как будто пыталась выплюнуть поскорей внезапно наскучившую ей, остывшую и потерявшую вкус информацию, – это гора Хорива – Хоревица, или Замковая гора. Многие считают ее одной из Лысых Гор Киева. Другие с ними спорят. Смотрим направо. Напротив Лысой Горы стоит дом № 13 – под ним с 1906 по 1913 год жил писатель Михаил Булгаков, увековечивший Андреевский спуск под псевдонимом Алексеевский в своем романе «Белая гвардия». Чуть дальше можно увидеть гору третьего брата – Щекавицу, известную также как Олеговка. На ней похоронен князь Олег, смерть которого была воспета поэтом Александром Сергеевичем Пушкиным в «Песни о вещем Олеге». Как вы могли заметить, Киев со-

стоит из легенд, как панно из мозаики, – литературно красиво закончила она и, остановившись возле дома, отмеченного крайне странной табличкой «Центр Старокієвського колдовства на Подол», улыбнулась сахарно-сладкими зубами: – На этом наша экскурсия заканчивается. Есть вопросы?

Французы кинулись к переводчику и, окружив его, закартавили восклицательно и вопросительно, перебивая друг друга.

– Они спрашивают, можно ли сфотографироваться с вами на память? – безразлично перевел тот.

– Пожалуйста, – ответила красавица вежливо и машинально поправила бюст.

Д'Артаньяны, поняв этот жест без перевода, проворно облепили ее со всех сторон. Переводчик, в кадр не приглашенный, получил в руки фотоаппарат и бесстрастно прицелился.

– Обратите внимание, – объявила экскурсоводша с профессионально повествовательными интонациями в голосе. – Сейчас вы фотографируетесь с главной достопримечательностью нашей нации – украинской женщиной. Еще ваш соотечественник, французский историк Боплан, путешествуя по дореволюционной Украине, восторженно писал, что только здесь, в особый день года, наперекор всем иным народам не хлопцы сватали девчат, а девчата – хлопцев. И, заметьте, всегда достигали согласия. Им помогают, утверждал он, некие суеверия, которые существуют у украинцев насчет женщин. А никаких суеверий тут нет. Просто... Кстати, вы

женаты? – неожиданно поинтересовалась она у близстоящего.

Дослушав перевод, мужчины отлипли от нее столь же быстро, как приклеились минуту назад. Рядом остался лишь один, получивший бесстыжий вопрос, испуганный, но почему-то не убегающий.

– Не бойтесь, mon ami², я пошутила, – невесело засмеялась странная экскурсоводша и, деловито поправив грудь, зашла в двери «Центра Старокіевского колдовства на Подолъ».

* * *

Тем временем ворон, накаркавший беду на маковку Андреевской церкви, успел облететь полгорода, выискивая нечто важное и, судя по всему, редко встречающееся в природе.

Опустившись на подоконник коренастого хрущевского дома неподалеку от остатков Кадетской рощи, ворон внимательно посмотрел в окно и издал резкое предупреждающее: «К-а-rrrr!». Хотя стороннему наблюдателю и трудно было понять: что могло привлечь здесь столь важную птицу?

За выкрашенной в оптимистичный васильковый цвет рамой окна угнездилась крохотная шестиметровая кухня, плотно заставленная допотопным совковым гарнитуром

² Мой друг (франц.).

«Красная шапочка». На полках у потолка стояли красные в серебряный горох баночки для сыпучих продуктов, столь густо покрытые вязкой кухонной пылью, что становилось понятно: их водрузили туда исключительно для красоты еще в начале 80-х годов, и с тех пор представления здешних хозяев о красоте и о функции баночек несколько не изменились.

Возле плиты, протянув руку к вопящему о собственной готовности красно-горохастому чайнику, суетилась хлопотанная рыжая женщина лет сорока, явно относившаяся к категории дам, которых Господь лишь по недомыслию не наделил семью руками вместо двух. В зубах у нее был зажат огрызок черного косметического карандаша, обвислый карман халата топорщился от только что снятых бигудей, а энергичное щекастое лицо вызывало ассоциацию с бомбой, отсчитывающей время, оставшееся до неминуемого взрыва. Правой рукой женщина не глядя подхватила орущий чайник и налила в чашку кипятка, левой швырнула туда дешевый чайный пакетик, в то время как оба ее глаза – один кривовато подведенный, другой девственно заспанный – намертво прилипли к экрану маленького телевизора.

«Сегодня ночью, – бодро бубнил телевизор закадровым корреспондентским голосом, – в Куреневском районе прорвало систему водоснабжения. Движение на улице Фрунзе было перекрыто...»

Женщина торопливо подсунула красную в белые горошины чашку сидящей за столом дочери Маше и принялась об-

рабатывать оставшийся глаз, продолжая коситься на экран.

Дочь, пристроив перед тарелкой обернутую в газету толстую книгу, меланхолично доедала овсяную кашу.

Впрочем, если бы не фирменные самоварные щеки и медно-рыжий цвет волос, заподозрить дочь столь бурнокипящей матери в этой невзрачной барышне было бы практически невозможно. У Маши было лицо аскета, привыкшего к невкусной, но полезной еде и неинтересной, но правильной жизни, круглое, как циферблат часов, которые никуда не спешат и никогда не опаздывают. Безликая прическа в виде пуританской дульки, футболка навыпуск и взглядонепроницаемая юбка до пят точно дополняли образ идеальной ботанички.

Оторвав взгляд от книги, дочь с интересом посмотрела на экран, в надежде увидеть там своего отца. Живот телевизора пестрел кадрами утренней хроники. Улица Фрунзе, залитая водой, хоровод рабочих у отодвинутого канализационного люка, в числе которых на секунду мелькнул озабоченный лоб какого-то парня с ярко выраженными восточными чертами, взглянувшего вдруг на Машу в упор черными, как волчьи ягоды, глазами...

«Причины аварии пока неизвестны, – перешел телевизор на трагический тембр, – но жители района охвачены паникой. Некоторые из них до сих пор помнят Куреневскую трагедию 13 марта 1961 года, когда потоки жидкой грязи затопили частный сектор. Уровень воды достигал тогда высоты

второго этажа. Тысячи жителей погибли».

– Что ж они не говорят, что те, кого их спасать послали, тоже погибли?! – заученно заголосила мать, давно ожидавшая повода запаниковать. – Что ж это делается, а? Ведь и папа наш сейчас там, аварию чинит.

– Кар-р-р-р-р, – раскатисто прокомментировал этот факт черный ворон.

– Раскаркался! – еще больше возмутилась женщина и замахала руками, пытаясь прогнать птицу, способную накликать дурное.

– К-рр, – коротко высказал свое мнение о ней тот и полетел прочь.

«А теперь новости культуры, – радостно объявила ведущая новостей на телеэкране. – Сегодня в Киевском музее русского искусства откроется выставка...»

– Опять читаешь! – без перехода набросилась мать на Машу. – Что это? Учебник?

Маша сконфуженно взглянула на родительницу – врать она не умела.

– Что? – мгновенно завелась мать. – Опять?! Опять «Мастер и Маргарита»? Сколько можно? Лучше бы предмет повторяла!

– Мама, – тихо отозвалась Маша, без надежды на помилование, – ты же знаешь, я давным-давно все выучила. Я все знаю на «отлично».

– Все знаю... Она все знает! Чего ж ты при этом такая

дура! – окончательно взорвалась мама и вдруг жалобно запричитала, ссутулив плечи и сморщив лицо. – Ты ж у меня не уродина, не ущербная какая. Чего ж тебе так не везет? Двадцать два года, и ни одного парня! Я в твоём возрасте уже тебя родила! У Татьяны Петровны дочь второй раз замуж выходит! А ты все дома сидишь и книжки про любовь читаешь. Может, на тебя кто порчу навел, сглазил? Сходила бы к какой-нибудь бабке, а? – Голос матери неожиданно стал молящим. – Я тут у сотрудницы адресок взяла. Она говорит: помогает. Сходи, доча, попроси, чтобы тебе венец безбрачия сняли.

– Мамочка, – обреченно скривилась Маша, – ну зачем эти глупости?

На один тоскливый, как желудочный спазм, миг ей стало невыносимо стыдно за собственную никчемность и ужасно жалко мать, родившую на свет пустоцвет.

И захотелось исчезнуть... Или заткнуть уши.

– Ну сходи, доця. Что тебе стоит? – елеино попросила мама. – Я тебе и денежку дам. Хорошо? – И, не оставляя Маше паузы для дальнейших возражений, вытащила из висящей на ручке холодильника сумки завернутые в бумагу гривни и суетливо выложила их на стол рядом с Машиным локтем.

– Ладно, – безуспешно попыталась сбежать та. – Я пошла. А то на экзамен опоздаю...

– Деньги не забудь, – уже строго наказала мать.

Смирившись с судьбой, дочь сунула бумажки в книгу и

рванула в коридор.

– Ой, мама! – горестно всхлипнула она, в сто тридцать первый раз натыкаясь на старый безработный велосипед, подаренный родителями к ее пятнадцатилетию.

– Под ноги смотреть надо! – отозвалась мама.

Скрючившись пополам, Маша переждала мгновение острой боли и погладила будущий синяк.

У нее всегда было плохо с координацией движений. Она не умела танцевать и на велосипеде ездить так и не научилась, – удержав равновесие несколько секунд, тут же заваливалась в ближайшие кусты...

Но она старалась не думать об этом.

Она думала о реальных и литературных прототипах булгаковского Воланда, об оспариваемой многочисленными историками дате основания Киева, о целесообразности объединения языческих и православных праздников... Но только не о себе самой.

Зачем думать о грустном?

* * *

Некрасиво поругавшись с матерью Маши, ворон вернулся на Андреевский спуск и, облетев вокруг многобашенной гостиницы «Андреевская», выбрал одно из окон административной части, сдаваемой руководством под офисы платежеспособным фирмам.

«Ка-а-а-а-а», – по-мужски одобрительно крикнул он, и на этот раз с ним трудно было не согласиться.

Дама, восседавшая за начальственным столом, была настоящей красавицей!

Хотя и в идеально-дорогом ее костюме, и в узких очках в золотой оправе, перечеркивающих острое и опасное, как нож, лицо, и в величественных украшениях, безупречных с точки зрения вкуса, угадывалось, тем не менее, нечто странно бесполое, какое-то почти патологическое пренебрежение к собственной внешности. Подбирая одежду и аксессуары, эта дама наверняка до миллиграмма взвешивала в уме, насколько они подчеркнут ее статус и класс, ни на секунду не замыслившись над тривиальным «to be or not to be?» – «А пойдут они мне или нет?».

«Ка-а-а-а-а...» – ворон задумчиво склонил голову набок.

Но строгая дама, вросшая правой щекой в серебристую телефонную трубку, снова его не услышала. Потому как, во-первых, стекла в ее офисе были звуконепроницаемые. А во-вторых, Екатерина Дображанская была стопроцентно убеждена: в мире нет ничего важнее этого телефонного разговора, и даже весть о скором конце света вряд ли отвлекла бы ее внимание.

– Так, значит, ваше решение окончательное? – грозно спросила Катерина у трубки. И на лице ее была написана последняя стадия человеконенавистничества, но голос звучал ровно и сдержанно, что, безусловно, свидетельствовало о ее

недюжинной силе воли.

Что именно ответила ей невоспитанная трубка, нам осталось неизвестным, но в ту же секунду Катя разъяренно запустила серебристый аппарат в окно.

Стекло мужественно выдержало удар, телефон развалился, обнажив начиненное проводками брюшко, ворон ракетой взметнулся в небо, а трубкометательница яростно выстрелила черным взглядом в своего флегматичного зама, расположившегося в углу дивана.

– Все кончено! – прорычала она. – Пять лет пахоты псу под хвост! Если они построят свой супермаркет рядом с нашим, я разорена. У них сеть, они могут позволить себе снизить цены. Они переманят к себе всех наших покупателей... Черт! Черт! Черт! Убила бы! Кстати, сколько стоит заказное?

– Катерина Михайловна, – произнес ее заместитель вальяжно-успокаивающим голосом, – успокойтесь, пожалуйста.

– Что?! – обозлилась Катя еще сильнее. – И это мне говорит мой зам?! Если я успокоюсь, мы все завтра пойдем по миру! И вы, между прочим, тоже! Сколько стоит помещение, где они хотят обосноваться? Может, удастся его перекупить?

– Я узнавал, – спокойно уточнил заместитель. – Семьсот тысяч. И то если мы внесем деньги в течение недели.

– Неделя? Это нереально. Нет у меня столько свободных денег!

На стервозно-сосредоточенном лице Кати выписалась ин-

тенсивная работа мысли. Было видно: слово «сдаваться» в принципе отсутствует в ее лексиконе.

– Возможно, вам стоит обратиться к Василию Федоровичу, – ненавязчиво подсказал ей зам.

Катерина нахмурилась и вопросительно посмотрела в зеркало у двери. Подойдя ближе, она придирчиво, скрупулезно изучила свой облик с бесстрастностью оценщика в магазине. В этом взгляде не было и намека на самолюбование. Судя по всему, Катя вообще заглядывала в зеркало лишь для того, чтобы проверить свою готовность к продаже на деловой встрече, презентации или как в данном случае...

– Да, – безрадостно заключила она, – Василий Федорович может мне помочь. – Она бегло и с отвращением поморщилась. – Мразь он, конечно, редкая. Но лучше так, чем никак. Сегодня же позвоню ему и приглашусь в «Мерлин», на ужин. Он вечно зовет... Во черт!

В ее темных, коротко стриженных волосах обнаружился белый диверсант. Катя катастрофически седела.

– Не стоит так часто поминать черта. Тем более здесь, – с облегчением заулыбался зам, понимая, что буря миновала.

– То есть? – нетерпеливо уточнила начальница, сосредоточенно разыскивая у себя на голове новых предателей.

– А вы разве не знали, что окна нашего офиса выходят на киевскую Лысую Гору?

– Достали вы меня с вашей заумью! – огрызнулась Дображанская. – Я, если хотите знать, три года приучала себя го-

ворить «черт» вместо «блядь». Сама себе штраф назначила: за каждое «бэ» десять долларов в пользу бедных. – Она резко нажала кнопку вызова секретарши. – Аня, позвоните моей косметичке, я буду у нее через два часа. И отыщите мне фото Василия Покобутько – нужно срочно подготовиться к встрече... Во чер-рт!!!

* * *

– Сани, крути попкой! Ну, давай, давай, работай хвостом! – азартно подначила Даша балетных мальчиков на сцене.

Все они были обряжены чертями, и главная фишка танца состояла в том, чтобы их хвосты периодически вставали дыбом и извивались, как ленты у гимнасток.

– Землепотрясная, ты – не арт-директор, а тиран! – кокетливо пропыхтел смазливый танцор Сани.

– Ладно, ладно, – отмахнулась Даша Чуб, подтягивая купальник. – Ты лучше попку не распускай. Зимой и летом держи хвост пистолетом!

Землепотрясная (как не без оснований окрестили ее в клубе) довольно закинула босые ноги на стол. В носу у нее сверкала сережка с блестящим камушком, предплечье обнимала витиеватая татуировка «браслетом», в глазах горела стопроцентная уверенность: жизнь прекрасна!

Открытая терраса клуба «О-е-ей!» (название, креативно

придуманное его арт-директором вместо отстойного «Лос-Анджелес») выходила прямо на пляж у Днепра, и Даша могла ежедневно совмещать приятное с полезным – работать и одновременно фритюриться под солнцем, становясь все шоколаднее с каждым днем. Хотя после продолжительных и болезненных криков директора ей пришлось пойти на компромисс и приобрести себе «нормальный» купальник с лифчиком, который, по глубокому убеждению Даши, безнадежно портил загар и без которого она благополучно обходилась последние пять лет.

Балет на сцене дружно стал раком, хвосты – трубой.

– Молодцы! – восторженно заорала Даша. – Шестого наш чертов канкан будет гвоздем программы!

– Остынь! – одернула ее местная парикмахерша Заядлая, сосредоточенно заплетавшая Дашины белые космы в тоненькие афро-американские косички.

– Классные мальчики, правда? – и не подумала остужаться та.

– Только голубые, – брезгливо фыркнула парикмахерша. – Знают, как задницу свою продать, а больше с них толку никакого.

– Фигня! – молниеносно загорелась Даша. – Спорим, я Сани соблазню? Еще до праздника. Спорим?

– Спорим, – кисло согласилась Заядлая. – Только у тебя все равно ничего не получится.

– Спорим на мой мопед?! – запылала Даша пожаром.

– На твой мопед? – неподдельно поразилась Заядлая.

– Ага! Я ставлю мопед, а ты – кольцо, которое подарил тебе твой Алекс.

– Ну да, разбежалась! Оно знаешь сколько стоит? – презрительно протянула парикмахерша.

– А чем ты рискуешь, Заядлая? – рассмеялась Чуб. – У меня же все равно ничего не получится. Ой, смотри, смотри, по пляжу ворон ходит! О-о-огромный какой!!!

Парикмахерша раздраженно дернула Дашу за косы, возвращая ее неугомонную вертлявую голову в нужную позицию.

– Ну че ты вечно радуешься всему так, словно тебе зарплату принесли? – процедила она.

И была абсолютно права. Назвать Дашин характер легким было бы явным преуменьшением – он был невесомым и парящим над землей, словно разноцветный воздушный шар, что закономерно вызывало раздражение homo sapiens, считавших себя серьезными и твердо стоящими на двух ногах.

Землепотрясная была похожа на шумный праздник, на неумоимо скачущий на полу детский мяч. Заядлая же относилась к категории людей, которые отлично знают: именно детские мячи разбивают оконные стекла и сшибают вазы с сервантов, а на буйных праздниках всегда отдавливают ноги и крадут кошельки. Что же касается воздушных шаров, – их лучше покрепче сжимать за хитрый хвостик.

– О-о-о... – не без удовольствия оповестила она Дашу, –

директор к нам направляется. Сейчас получишь очередной втык!

К ним и впрямь подплывал злой и слегка оплавленный жарой директор клуба. Даша сморщила нос и, сняв ноги со стола, сунула их в свои любимые ботинки «как у Джони Деппа», которые носила зимой и летом, с тех самых пор, как грохнула на них сумму, приравнивающуюся к стоимости всей полагавшейся девушкам обуви, включая домашние тапочки.

– Дашенька, – начал директор с не обещавшей ничего хорошего ласковостью сквозь зубы, – вы сегодня вечером петь собираетесь?

– Да, – беззаботно улыбнулась та. – А что?

– Тогда у меня к вам личная просьба – не ходите в зал. А то вы заводите клиентов, садитесь к ним на колени... А потом они осаждают мой кабинет, суют деньги и требуют вас. И угрожают мне, между прочим! Я каждый вечер вынужден под угрозой расправы защищать вашу сомнительную честь. Вы прекрасный арт-директор, Даша, так не ведите себя, как последняя....

– П-и-и-и-и! – громко пропищала Даша, имитируя славноизвестный звук в телевизоре, перекрывающий маты. – Обещаю вам, Александр Витальевич, сегодня буду стоять на сцене, как солдат перед мавзолеем Ленина. – Она бодро приложила ладонь к виску, отдавая честь.

– К пустой голове... – неприязненно начал директор, но махнул рукой. – Ладно. Что у нас с шестым числом?

– О! – оживилась Даша. – Ночь на Ивана Купала получится землетрясая! Пресса в курсе – все в шоке. Все ж – язычники, все, на самом деле. Гороскопы там, бабки-шмабки, секс, короче... На пляже сложим костры, будем через них прыгать! Всем мужчинам будут выдавать при входе рога...

– В каком смысле? – встрепнулся директор.

– Да нет, не в том, – хохотнула Чуб и, извернувшись, выудила из кармана брошенной на стол куртки затасканную книжицу. – Просто ночь на Ивана Купала – это, типа, наш славянский Хэллоуин! Ночь перед праздником Всех святых, то есть в нашем случае одного главного святого, когда нечисть властвует на земле безраздельно. Черти там, ведьмы, вурдалаки! – радостно блеснула она интеллектом, который, в отличие от прочих частей ее естества, излучал блеск крайне редко. – Поэтому мужчинам будут выдавать рога, зубы и хвосты, женщинам – метлы и венки. А утром дамы будут пускать венки со свечками по Днепру, а мужики – их ловить... Я все-все про Купалу прочитала. У меня целая программа!

– Угу, – скептически фыркнула Заядлая, явно адресуя свои сомнения близстоящему начальству. – Только Хэллоуин – это Хэллоуин, его все знают. А это все наши мамины радости... И вообще, зачем людям нужно два Хэллоуина?

– Но этот наш, личный! – громогласно обиделась Чуб.

– Ладно, – обреченно вздохнул директор, – работайте. И помните, что я вам сказал. Один шаг со сцены, и считайте, что вы уволены.

– Все, конец вроде, – недовольно пробасил Машин отец, моргая красными от усталости глазами. – Запарились! Ну и пекло.

Под землей было нестерпимо душно и жарко, словно в бане с докрасна натопленной печью. Владимир Сергеич нетерпеливо стащил ставшую невыносимой куртку и замотал ее вокруг пояса, – под ногами хлюпала жидкая грязь и клубился пар.

– Че ты хочешь, Сергеич, воду ж горячую прорвало, – напомнил ему напарник. – Вон там еще течь, – ткнул пальцем он. – Видишь? Но эта, кажись, последняя... Эй, новенький, тащи инструмент.

Новенький – парень с живописным восточным лицом – сузил черные, как волчьи ягоды, глаза и внимательно огляделся.

– Мы сейчас в центре горы, – странно сказал он, – почти у самой вершины.

– Понятное дело, – равнодушно пожал плечами рабочий. – Оттого и улицу залило, что она под горой лежит.

Круглый туннель подземного коллектора поднимался от улицы Фрунзе вверх – на гору, где размещалась печально известная психиатрическая «Павловка», – и тянулся дальше, к Бабьему Яру.

Когда-то, двести лет назад, больница, в которой в 80-х годах работал еще никому не известный Кашпировский, была Кирилловским монастырем, но сменила свой статус задолго до революции, а имя святого на фамилию советского академика – после. От обители же осталась только церковь, расписанная юным Врубелем, почему-то до обморока и безумия боявшимся загреметь в старости именно в этот, соседствующий с ней, сумасшедший дом.

– И впрямь сумасшедший дом какой-то! – который раз за сегодняшний день разозлился суровый Сергеич, ощупывая «кажись, последнюю» пробойну. – Трубы ж, считай, новые. Чего они вдруг полопались? Ни ржавчины, ни хрена... Чего здесь не так, Коля.

– Да говорю ж я тебе, это диггеры³ безобразничают, – начал доказывать уже не единожды высказанную мысль напарник. – И что это за мода пошла по канализациям нышпорить?!

– Что ж, – по-отечески протянул Владимир Сергеевич, – под Киевом подземных ходов больше, чем улиц в городе. Монахи сотни лет рыли, вот ребятам и интересно, что там. Но трубы они не портят, зачем?

– Ба! – громко вспомнил Коля. – Тут же Кирилловские рядом! Во куда они влезть надумали! Там, дальше, коллектор прямо к ним выходит.

³ Диггеры – группа подростков, чье оригинальное хобби – путешествие по подземным пещерам и коллекторам города.

– Где? – с мальчишеским интересом спросил новенький.

– Да там, дальше, направо, – обрадовался поддержке напарник и, увидав, что любопытный парень уже направился в указанном направлении, добавил с деланной деловитостью: – Верно-верно! И поглянь заодно, чего там! Если они ворота открыть пытались, точно нужно доложить кому надо.

Прошагав метров сто, новенький свернул в боковой туннель и почти сразу наткнулся на ржавые, вросшие в землю ворота, одна из тяжелых створок которых была немного приоткрыта, образуя небольшую щель, вполне достаточную, чтобы сквозь нее протиснулся кто-то молодой и гибкий. Черноглазый скользнул внутрь и обернулся. Луч света, выпрыгивающий из фонарика на его каске, задумчиво потрогал дыру в кирпичной стене. Какой-то начальник, не удовлетворившись железом дверей, велел заложить вход в тысячелетние Кирилловские пещеры, каждый шаг по которым грозил громким обвалом. Но теперь часть стены была разобрана.

Помедлив, парень зашагал дальше по путаному узкобедрому лабиринту неслышной поступью черной кошки, безбоязненно сворачивающей то вправо, то влево. Луч хлестал по угрюмым глинистым сводам прорытой в земле норы и вспахивал пыльную дорогу – на ней было множество следов, переплетающихся и наступающих друг на друга. Именно они привели его в конце концов к оскалившемуся черным ртом тупиковому «залу» – небольшому и полукруглому, косо срезанному серой бетонной стеной, которая, в сравнении с дву-

мя другими, могла считаться малолетней девчонкой.

У этой самой юной стены стояло нечто неприятное и нехорошее. Аматорское панно из распиленных на куски православных икон, сложенных наново в чудовищную, кощунственную мозаику. А посреди мрачного узора из разрозненных всевидящих глаз, скорбных ртов и отрезанных Иисусовых рук висела пригвожденная четырьмя канцелярскими кнопками, вырванная из дорогого художественного альбома репродукция Матери Божьей с притихшим младенцем на коленях.

Несколько секунд черноглазый взволнованно рассматривал уже успевшее сморщиться от сырости лицо Марии, выхваченное из темноты тусклым ореолом его фонаря. И вдруг, осатанело сорвав репродукцию православной иконы с непотребного алтаря, резко запрокинул подбородок вверх и взвыл беззвучно и страшно.

Из дневника N

Это правда! Все подтвердилось. Хотя мой гений невозможно заподозрить в обмане – разве что в сумасшествии. Но это уже вопрос веры.

Я – верю!

А значит, она умрет...

Глава вторая, в которой Маша проявляет опасное пристрастие к красоте

Владимирским собором русские люди той эпохи гордились так, как современники Рафаэля и Микеланджело могли гордиться фресками обоих мастеров в Ватикане.

А. Бенца

Торопливо прикоснувшись ладонью к каменной ступеньке, Маша неуклюже перекрестилась и вошла в огромное, завешенное полотнищами теней нутро Свято-Владимирского собора.

Истинная вера не входила в число Машиных добродетелей. Но с тех пор как перед вступительными в педагогический университет (коий Маша без уважения именовала по-прежнему – институтом) школьная учительница посоветовала ей поставить свечу, этот предэкзаменационный ритуал прочно вошел в ее жизнь и зацементировался в ней. Хотя дело было отнюдь не в экзаменах, а в том, что этот повод раз и навсегда легализировал Машины встречи с самым прекрасным в мире Владимирским собором.

Конечно, теоретически Маша Ковалева точно знала: в мире есть великое множество храмов, намного красивее его. Но

сие абстрактное знание нимало не мешало ее огромной, как сам собор, вере, что на всем белом свете нет и не будет ничего прекраснее *ее* Владимирского, сотворенного Виктором Васнецовым (Билет № 14. Вопрос 1. Культура Украины конца XIX – начала XX), расписанного, как диковинная золото-сусальная писанка, от мраморных панелей до купола центрального «барабана».

Согласно многолетней, с самого детства сложившейся традиции, Маша сделала ровно пять шагов и резко развернулась кругом, чтобы встретиться взглядом с огромными темными глазами ангела «Страшного суда» – узколицевого, с суровым ртом и сильными крылами, глядящего пред собой из-под нахмуренных бровей. Его глаза были самой энергетической точкой Патриаршего собора, притягивающей Машу словно магнит. Его черная фигура стояла на фоне полощущегося красного пламени, раз и навсегда разделяя сметенных апокалипсисом грешников и извивающегося меж них краснокожего, совратившего Еву Змея, – по левую руку от него, и сонм надеющихся праведников – по правую.

И Маша вдруг знобливо дернула плечом, зажмурилась и затрясла головой, потому что, быть может, от усталости, измученных полуночным чтением книг глаз, ей померещилось, что левая чаша уравновешенных весов в левой руке Васнецовского ангела покачнулась вниз.

«А вдруг?! Да нет, конечно...»

Она привычно переметнулась вправо-влево по Машиной

руке, где над аркою лестницы на хоры великий просветитель Руси православной верой Владимир-князь крестил киевлян, и, вытянув набухшие от неизбывного восторга губы, проревизировала взглядом узорно-золотую порфиру, и золотой венец, и упрямые полные губы двадцатилетнего крестителя. И его сложившую на животе робкие руки жену – царицу Анну, в головном уборе византийских императриц, из-за любви к которой (по одной из версий – Билет № 4. Вопрос № 2. Принятие христианства на Руси) Владимир и принял крещение («Кто ж теперь узнает»). И большебородого, немолодого боярина с мечом, ищущим встревоженными и угрюмыми глазами ответ на некую неведомую ей заковыку («Он же уже крещеный, иначе б стоял в Почайне, а не на берегу. Что ж его так терзает?»).

Маша решительно развернулась лицом к центральному нефу с увитыми роскошным сплетением растительно-геометрических узоров восемнадцатью древнерусскими святыми на пилонах и в основаниях арок, евангелистами на высоких «парусах» «корабля», гробом с тысячесотлетним нетленным телом семнадцатилетней Святой Варвары, давшей имя далекой Санта-Барбаре, – и с гордостью погладила глазами надпрестольную Владимирскую Богоматерь в золотом полукружии центральной апсиды, шествующую по бездонному золотому небу в окружении восьми шестикрылых серафимов.

Лицо Марии, в которую был влюблен семилетний Саша

Вертинский, носивший на свидания с ней цветы и завидовавший мальчишкам, певшим для нее на хорах, и мечтавший, что когда-нибудь тоже будет носить свечу по Владимирскому храму, – было скрыто от Маши дневными тенями. И смутный облик Богородицы в красных туфлях оставался тайною для нее, избегавшей бесконечно длинных, торжественных, ярко освещенных четырьмя бронзовыми люстрами церковных служб.

«Боже мой, как здесь хорошо!»

Студентка счастливо и сладко втянула воздух, наслаждаясь всем телом мгновением небытия между домом и институтом.

Ей нравилось «не быть» в огромном, зачехленном тенями дневном Владимирском. Сейчас собор был ничьим и покорно принадлежал ей одной. И даже если бы полногубый и кареглазый Владимир, свергавший фигуры языческих идолов, – Владимир, чей памятник на Владимирской горке митрополит Филарет Амфитеатров счел новой фигурой идола, порочащей имя боровшегося с идолами князя-крестителя, и наотрез отказался освятить его и призвал построить в пику «языческому» памятнику правоверный Владимирский собор, – отвел карие глаза от нарисованного Васнецовым неба и возмущенно взглянул на новоявленную идолопоклонницу слишком красивых стен кафедрального храма Филарета нынешнего, Маша ответила бы князю: «Ты ничего не понимаешь!»

Она так и не продвинулась дальше пяти шагов и, закатив глаза, приоткрыв вдохновенный рот, представила вдруг столь головокружительно глубоко, словно разрежала собой поперек столетние пласты времени, что по этой точке, где стоит сейчас она, проходили – не могли не проходить! – делая пять шагов от входа: последний император России Николай, приехавший на освящение соборного храма 20 августа 1896, и сотворившие освященный Васнецов, Нестеров и Врубель, и Параджанов, творивший здесь сценарий для своего фильма о Врубеле сто лет спустя. Ахматова и Куприн, Белый и Блок, Маяковский и Мандельштам, Бердяев и Таиров, Вертинский и Михаил Афанасьевич Булгаков! И почувствовала, поджав вибрирующий восторгом живот, как тени проходивших здесь проходят сейчас сквозь нее, и подумала, воспарив, что все экзаменационные билеты пишутся чересчур поверхностно и общо и киевским студентам исторического факультета стоило бы сдавать исключительно вопросы вроде:

«История одной мраморной плиты, в пяти шагах от входа в центральный неф самого прекрасного в мире Владимирского собора!»

«Ой, лишенько, экзамен...» – спохватилась Маша.

Хотя, сугубо между нами, мой дорогой читатель, приходиться на экзамен по истории вовремя Маше Ковалевой особой необходимости не было.

В отличие от других преподавателей, историчка Василиса

Андреевна запускала студентов не скопом, а партиями – по пять голов, чтобы иметь возможность контролировать мыслительный процесс каждой во время подготовки к ответу. Она славилась тем, что списать на ее экзамене было практически невозможно, да и утруждать себя списыванием – бессмысленно. И те, которые, легкомысленно пропуская ее лекции, старались наверстать упущенное за счет книг, – заученных или перекатанных в шпоры, – могли рассчитывать в лучшем случае на «уд». Василиса Премудрая, именуемая также Васей, относилась к подвиду особо трудных педагогов, страдавших обилием оригинальных взглядов, расходящихся со всеми известными учебниками, и знанием немислимого объема дополнительной, нигде не опубликованной информации. Васю боялись до истерики. И ее единственной «ахиллесовой пятой» была законная гордость. А студент, пойманный на подглядывании с полным конспектом ее лекций, вполне мог надеяться на «хор». «Во всяком случае, – любила говаривать она, – у тебя есть базис, к которому ты всегда можешь обратиться. Если не в башке, то хотя бы на бумаге».

Тем не менее, Маша Ковалева появилась у назначенной аудитории минута в минуту и, с облегчением скинув на пол плотно набитый библиотечными книгами рюкзак (Маша упрямо читала всю, даже категорически не рекомендованную Васей литературу), стала ждать чего-то ведомого ей одной и, похоже, не имеющего отношения к истории Украи-

ны. Во всяком случае, попытки затесаться в первую партию экзаменуемых Маша не предприняла.

Пять добровольных великомучеников скрылись за дверью. Мандраж ожидающих скакнул на десять градусов вверх, – гильотина была приведена в действие, и стоявшие в очереди на эшафот судорожно отсчитывали последние минуты перед казнью.

Девушка в короткой клетчатой юбке неожиданно больно ударила своего парня кулаком в плечо.

– Это все ты виноват! – чуть не со слезами сказала она. – Это из-за тебя я к экзамену не подготовилась. Мы же договорились, что будем всю ночь заниматься. А ты со своей любовью... Никогда подождать не можешь. Вечно нетерпелюшка! Если сегодня я из-за тебя экзамен не сдам, то...

– Я на тебе женюсь, – уверенно объявил нетерпеливый.

Клетчатая юбка притихла и потрясенно посмотрела на него. Тот серьезно кивнул в подтверждение нешуточности своих слов. А невольная свидетельница их хэппи-энда, скучившись, подхватила за ручку свой рюкзак и грустно поплелась к окну в конце коридора.

Маша никогда не боялась экзаменов, и ей никто никогда не объяснялся в любви. В школе ее часто дразнили, в институте – просто не замечали в упор. Здесь она была лишь бесполым привидением, которое грустно смотрит на жизнь со стороны...

«Но именно так и должен смотреть на мир настоящий ис-

торик!» – великообразно утешила себя она, дабы заглушить иное, крайне неразумное чувство, закопошившееся у нее под грудью при виде счастливой кульминации чужого романа.

На другом краю подоконника громко сходили с ума три неразлучные подружки их группы – Рита, Лида и Женя, – заядлые красавицы и тусовщицы. Рита даже мелькнула пару раз на страницах глянцевого журнала, повествующих о всевозможных модных мероприятиях, безгрудая Лида посещала школу моделей, Женя же была просто хорошенькой, как херувим, и столь же очаровательно шаловливой...

– Ох, чувствую, Василиса Премудрая меня уродит! – жалобно просипела Женя. – Я вчера и голову специально не мыла. Дурная примета – мыть голову перед экзаменом.

– Тут на грязной голове не проскочишь, – нервно оскалилась Лида. – Это тебе не Марковна. Та ставит «хорошо» каждой телке, которая выглядит как Леся Украинка в гробу. А наша Вася каждую дату спросит. Всю ночь, как дура, ее басни учила. Лешик мне свой конспект отксерил. Господи, и кому это сейчас надо! Кстати, – неожиданно взбодрилась она. – Вы знаете, какую он мне записку туда сунул? «Чрево твоё – ворох пшеницы, обставленный лилиями, два сосца твои – как два козленка...» Он, оказывается, на меня дробит с первого курса!

Женя в ответ коротко хохотнула, – от страха ее обычно безудержный смех примерз к губам.

– Что, опять ты? – даже не разозлилась на подругу Лида. –

Вечно ты со своими розыгрышами дурными! Ну на хрена?!

– Помните, – подала величественный голос Рита. – Вечером отмечаем сдачу экзамена в клубе «О-е-ей»?

– Точнее, валим его и напиваемся с горя, – уже смирилась со своей участью Женя.

– Нужно парней захватить, чтобы выпивку нам оплатили. О-о-о... А вот и наш главный змий! Кстати, ты знаешь, что я узнала? – Лида вдруг жарко зашептала что-то в уши подругам, мгновенно оказавшимся у ее рта.

Что именно, Маша не расслышала, хотя очень хотела бы. Она жадно взглянула на вновь прибывшего и тут же, боясь, что кто-то успел расшифровать ее нелегальный взгляд, опустила глаза и принялась с подчеркнутым интересом рассматривать свои ничем не примечательные пальцы с коротко остриженными ногтями и заусеницами.

Парень, послуживший причиной этого небольшого переполюха, шел по коридору самоуверенной походкой плейбоя, привыкшего, что его тело постоянно полируют десятки женских взглядов.

Он был красив, даже слишком красив для мужчины. И этот переизбыток красоты – капризные губы, гордый нос, черные волосы, собранные сзади в хвост, – невольно воспринимался окружающими как что-то порочное, перехлестывающее за пределы установленной нормы.

Три подружки автоматически выгнули спины, три пары грудей – первого, второго и третьего размеров – оказались

направлены на него, как пистолеты. Три пары глаз впились в него, как гарпуны, и зазывно потащили к себе. До сих пор Мир, носивший симптоматичную фамилию Красавицкий, считался их общей коллективной собственностью, поскольку не отдавал предпочтение ни одной. Вальяжно улыбаясь, красавчик направился к их окну.

И тут случилось нечто невероятное и практически приравняющееся к чуду – тому самому, о котором Маша мечтала каждую ночь, до бессонницы придумывая все новые и новые подробности.

Мимоходом махнув подругам рукой, Мир подошел к Маше и, облокотившись обеими руками на подоконник, навис над ней всем телом.

– Машенька, как дела? – промурчал он нежно.

Ее сердце истерично задубасило в грудь дебелим кулаком, так что от этого грохота заложило уши!

– Хорошо, – ответила она еле слышно, напряженно глядя ему в грудную клетку.

Боже, она была в его объятиях!!!

– А шпаргалочки у тебя есть? – ласково спросил Мир, аккуратно приподнимая пальцем ее подбородок.

– Есть.

Впервые в жизни Маша смотрела ему в глаза!!!

– По Васиным конспектам? – на всякий случай уточнил тот, хотя вопрос был чисто риторическим. – А зачем они тебе, если ты и так все знаешь?

– Когда я пишу шпаргалки, то лишний раз повторяю материал и систематизирую знания, – автоматом выдала Маша еще со школы заученную репризу, услышав которую все учителя ошеломленно открывали рот, понимая: рай на земле все-таки существует!

– Вот как... – Внезапно он наклонился к ней так близко, что их губы оказались в кошмарной близости друг от друга. – А где они у тебя? – произнес он эротическим полусшепотом, почти касаясь губами ее рта.

– Под юбкой, – честно ответила Маша.

– Под юбочкой, – сладко повторил Мир, кладя опытные руки на ее плотно сдвинутые колени. – Поменяемся, а? Шпаргалки – на мой благодарный поцелуй? Ну отдай их мне, а то я экзамен завалю...

В его устах это прозвучало как: «Отдайся, а то я сойду с ума!», и в ответ Маша лишь покорно кивнула, не в силах оторвать от него зачарованного взора.

Красавчик по-хозяйски положил руку ей на плечо и, прижимая к своему бедру, на глазах у всех потащил за угол коридора. Маша успела заметить, что три подруги возмущенно смотрят им вслед, но все ее мысли и чувства переместились в один занемевший левый бок, соприкасавшийся с его джинсами и рубашкой, от которой пахло дымом, одеколоном и невозможным счастьем.

– Ну?

Теперь они были тет-а-тет.

Сложив руки на груди, Мир выжидательно глядел на нее, и не думая отворачиваться. Она хотела попросить его об этом, но в язык точно вкололи дозу местного наркоза. Мучительно стесняясь, Маша повернулась к нему спиной и, неловко задрав юбку, вытащила из-под нее специально сшитый передничек с рассортированными по карманам ответами.

– Боже, какая прелесть! – насмешливо умилился он, принимая ее рукоделие. – Куда ж мне это прицепить? – Он высвободил из брюк подол рубашки и пристроил синий передник на животе, повязав его тесемки себе на шею. – Спасибо, Маруся! Ты очень полезная девушка! – Его губы небрежно чмокнули воздух. – Целую. Пока!

Видение Красавицкого испарилось.

Маша стояла, прислонившись спиной к стене, и очарование невозможного чуда стекало с нее, как талая вода с крыш домов.

Сейчас, будто кто-то показал ей это со стороны, она поняла вдруг, какой комичной была эта сцена соблазнения Маши Ковалевой ради Васиных шпаргалок. Ему было скучно сказать «дай» и получить. И от переизбытка силы и веселого презрения к жизни, из желания позабавить или позлить (?) трех подруг, полюбоваться ее на все согласным кроличьим взглядом, ее трехминутной верой, что такой, как он, мог обратить внимание на такую, как она, Мир – ленивый бог слишком покорного в его руках женского мира – походя вывернул Машину «тайну» наизнанку.

И, став явью, она оказалась убогой и смешной.

Маша боязливо высунула голову из-за угла – Мир стоял между тремя красотками, приобняв Риту за голые плечи. Он всегда выделял ее. Или она сама выделялась – она была из тех, кто способен на многое, но убежден, что может абсолютно все. И несмотря на свою смуглую и дородную цыганскую красоту, напоминала Маше самовлюбленный самовар...

Словно почувствовав на себе ее взгляд, компания разом повернула головы в ее сторону и дружно заржала.

В этот момент дверь экзаменационной аудитории открылась, выбрасывая в коридор пятерых затравленных девиц.

– Таки завалила? – испугалась Женя.

Но прорыдать что-то ей в ответ жертвы истории не успели. В дверном проеме вырисовалась дородная фигура красавицы-экскурсовода.

– Следующие, – грозиво провозгласила Василиса Андреевна и отвесила четыре кивка подбородком в сторону чересчур веселой четверки.

* * *

С лицом, напряженным, как боевой кулак, Катя зашла в свежотремонтированный особняк на Пушкинской улице – фасад его был украшен зеркальной металлической доской с черными и мало говорящими непосвященным буквами:

КЛУБ ЦЕРЦЕЯ

Вход только по карточкам членов клуба

Но ничего подобного Катя никому предъявлять не стала. Хмуро взглянув на охранника у входа, встрепенувшегося под давлением ее взгляда: «Здравствуйте, Екатерина Михай...», она молча проследовала в раздевалку и, открыв ключом свой персональный шкафчик, достала оттуда спортивную форму и бывалые боксерские перчатки.

– Что, опять все задрали? – понимающе произнесла дамочка, застегивавшая на холеной щиколотке ремешок золоченой босоножки.

– Не то слово, – мрачно ответила Катя, вешая на плечики свой пиджак. – А ты будешь принимать участие в поединке? – кивнула она в сторону вывешенного на стене объявления.

*6 июля в клубе «Церцея»
состоится ежегодный поединок между членами
клуба.*

*Желающим принять участие обращаться
в администрацию*

Впрочем, вопрос был задан ею исключительно из вежливости. Дамочка была из декоративной породы «цапочек» и ходила в боксерский клуб исключительно потому, что до тошно копировала во всем одну из крутых подруг. Кроме того, ей нравилось ощущать свою сопричастность этой закрытой женской организации с модным налетом экстремального феминизма.

– Ух, адреналиновое будет зрелище, – с вожделением произнесла цапочка. – Но я ведь так, любитель. Хотя десятого все равно на пластику иду, так что даже если б мне всю морду расквасили, не страшно, – засмеялась девица собственной шутке. – А вот на тебя многие хотят поставить. Я тоже. Но большинство все же на Динозавриху...

Лицо Кати напряглось еще сильнее. В прошлом году Динозавриха – бой-баба крупных масштабов – разделала Катю на ринге под орех. И на секунду в Катиной голове вспыхнул красный огонь ненависти, но тут же был благоразумно погашен – сейчас у нее имелись проблемы поважнее.

В спортивном зале не было никого, кроме взъерошенной узкогубой блондинки, не слишком умело, но с нескрываемым наслаждением избивавшей «грушу» в виде мужского бюста.

– Вот тебе, вот! – радовалась блондинка. – Уже заканчиваю, – бросила она Кате через плечо и, стащив перчатку с руки, вытерла блестящий потом лоб. – У меня через двадцать минут конференция. Фу, полегчало. Честное слово!

Катя подошла к груше и аккуратно прикрепила к голове мускулистого резинового манекена обложку журнала «Лидер» с лицом Василия Федоровича и ало-красным заголовком «Веселый начальник налоговой». В развесистые щеки «веселого начальника» вонзились две длинные булавки...

– Ну, мужик, ты попал! В руки профессионала! – радостно захихикала блондинка.

– Так-с... Здесь мы поставим шалаши из веток. Здесь, здесь и подальше. От люди совратятся! По полной программе!

Даша Чуб ввинтила босые ноги в теплый приднепровский песок по самые щиколотки. Было классно. И праздник вырисовывался гениальный. А по выровненному прибоем берегу, у самой кромки воды прохаживался огромный и чопорный черный ворон.

– Тут и тут костры. У воды большой – Купальца, в центре дерево с ленточками... Толик, притащишь мне какую-нибудь вербу или вишню. Да любое тащи! Только не руби – жалко, – объявила она двум клубным парням, следующим за ней по пятам. – А с тебя, Мика, колеса...

– Колеса? – недоверчиво удивился тот.

– Ты дурной, – деревянные! От телеги! Их поджигают и с бура в речку катят. Они солнце символизируют. Купала ж – солнцестояние, «макушка лета»! Автором кострик – Краду – там. На нем крестьяне ведьму Марену сжигали, а мы, – с гордостью щегольнула она собственным ноу-хау, – будем сжигать чучело Инквизиции!

Низкий речной ветерок гнал по пляжу растрепанную газету, испуганно теряющую по дороге свои листы.

– Стой! Попалась! – Подскочив к ней, Даша быстро при-

хлопнула ту ногой и расхохоталась. – «Бульварчик» новенький... Ну и че там пишут?

Подхватив остатки расхристанного еженедельника светской хроники, Землепотрясная с любопытством оглядела обложку, фыркнула, увидав там вредное лицо певицы Вики, и от обиды с ходу перескочила на последнюю страницу.

– Че-че?

Она энергично почесала нос ребром ладони.

Эта дурная привычка проявлялась каждый раз, когда Даша интенсивно задумывалась о че-мто. А задумывалась она гораздо чаще, чем это можно было предположить, исходя из ее манеры одеваться.

– Где-где? На Андреевском? А че? Че бы и не? – с живостью спросила блондинка с гоголевской фамилией Чубреку, «которую Гоголь любил». И, очевидно, оценив вялотекущие молчание Днепра как знак стопроцентного согласия, вытянула из декольте два разнополых носка – один розовый, второй голубой. – Слышите, – обернулась Землепотрясная на ходу, уже устремившись в направлении драгоценных «джонидепповских» ботинок. – Все, короче, – обсудили! Если че, вечером еще пересечемся.

Глава третья, в которой пути трех героинь неожиданно пересекаются

*...в недрах «Белой гвардии» тоже скрывается
свой дьявол – Воланд «киевского романа».*
М. Петровский. «Мастер и Город»

Катясь по крутобоким булыжникам Андреевского спуска, мопед подпрыгивал под Дашей, как мяч. Да и сами булыжники, выложенные здесь в приснопамятные времена генерал-губернатора Фундуклеева, замостившего любимую улицу на собственные средства, словно бы подскакивали, пытались перепрыгнуть друг дружку, нимало не стремясь к приличествующим дороге равенению и единству. А высоко над ними в безмятежно лазоревом небе кружил черный ворон, ни на секунду не упуская из виду стремительное ярко-красное пятно.

Подобно воспетому московскому Арбату, Андреевский слыл в Киеве Меккой. В последний выходной весны – официальный день Города – народ наполнял спуск до краев, так что и соваться сюда было опасно: затолкают, замучат, сорвут с шеи золотую цепочку, порежут рюкзак... Но и в будни солнечный Андреевский взвоз, соединяющий змеиным

зигзагом Верхний и Нижний Город, кишел оживленным народцем, приценивавшимся к развешенным на стенах домов картинам, глиняным колокольчикам и свиньям, украшениям ручной работы и разложенным прямо на тротуаре престарелым и потрепанным книжкам.

На них взидала свысока поднебесная, изумрудно-голубая Андреевская церковь, в которой непутевая Проня так и не повенчалась с легкомысленным Голохвастовым; чуть ниже возвышался гордый и прекрасный «Замок Ричарда Львиное Сердце», построенный через семьсот лет после смерти своего коронованного хозяина, в стране, где тот никогда не бывал; а у подножия горы Уздыхальницы пристроился дом «постройки изумительной», в два этажа на улицу, а со двора – в один...

Однако, присмотревшись, ты вдруг понимал: все это лишь разноцветные и веселые декорации. И на едва ли не самой знаменитой улице Города половина домов, низкорослых и грустно насупившихся, построенных еще до сахарно-строительной горячки 1880-х годов, стоят нынче пустыми и нежилыми и, обиженно повернувшись спиной к проклятой Горе, смотрят на мир безжизненными черными окнами. Пуст второй дом, и пуст девятый, и двадцать второй, закутанный до самой крыши в зеленую строительную сеть, и двадцать шестой, с покосившимся в многолетнем обмороке фасадом, и двадцать, и тридцать четвертые... Пуст вечно реконструируемый «Замок», и пустеет по ночам дом Турбиных, и «Музей

одной улицы», и маленький театр «Колесо», и рестораны, и художественные галереи, и расходятся по домам приютившиеся на узких и крутых тротуарах торговцы. И того, кто на сломе веков хоть раз прошел в полночь по мертвому Андреевскому спуску, охватывало вдруг странное чувство, что улица эта нереальна – и не улица даже, а призрак улицы...

Притормозив у дома с многообещающей табличкой «Центр Старокіевского колдовства на Подолъ», Даша соскочила с железного «пони» и любовно похлопала его по лакированной «попе». Сдернув с плеч красную кожаную куртку, амазонка осталась в малозаметном топики, с трудом вмещавшем весьма заметную грудь, завешенную модной инсталляцией из проволоки, бисера, бус и стразов. Обилие грима на Дашином полудетском лице способно было насмерть испугать любого эстета. Впрочем, эстеты никогда не входили в число ее сексотипов – Даша предпочитала мужчин нестандартных!

Чуб гордо выудила из кармана разноцветную тюбетейку и, увенчав ею добрую сотню белых косичек, самодовольно отметила закономерный фурор, который произвело ее живописное появление среди уличных портретистов и прочих постоянных аборигенов летнего Андреевского. Затем подошла к табличке и с любопытством изучила приклеенный ниже листок бумаги:

*ЛЮБОВНЫЕ ПРИВОРОТЫ И ОТВОРОТЫ
СНЯТИЕ СГЛАЗА
СНЯТИЕ ВЕНЦОВ БЕЗБРАЧИЯ*

Удовлетворенно крякнув, Даша зашла вовнутрь, подошла к регистратуре и, поинтересовавшись ценой «на любовь», не моргнув глазом, заплатила увесистую сумму денег.

— Прямо до конца коридора, потом три раза налево, — пояснила ей флегматичная мисс Регистратура.

Посетительница двинулась в указанном направлении, поражаясь архитектурным странностям старого здания. Трижды свернув, коридор окончился дверью с надписью «Кылына», которую охраняла группа поцарапанных стульев. На одном из них сидел молодой мужчина огненно-рыжего окраса, уткнувшийся в крайне уместную для данного Города, улицы и места книгу «Мастер и Маргарита».

Даша весело хмыкнула: «Во приколы!»

На мужчине были белые льняные брюки и футболка такого же цвета. Его правую руку украшал массивный серебряный перстень с крупным голубым камнем.

— Классная цацка, — одобрительно похвалила Даша Чуб, сразу записав его в категорию «наш человек». — Ты последний к Кылыне?

Мужчина поднял на нее глаза и с нескрываемым интересом оглядел Землепотрясную Дашу с ног до головы.

— Да, я последний посетитель, — со значением произнес он.

— Тогда я за тобой, — радостно сообщила ему Даша.

— Хо-ро-шо, — весомо произнес он по слогам, словно одобряя ее кандидатуру. — Кстати. Ты, вижу, знаешь толк в подоб-

ных вещах. Я продаю одну, по случаю. Хочешь взглянуть? Это Уроборос, – мужчина, не торопясь, достал из кармана золотистую цепочку и протянул ей.

– Ух ты! – искренне восхитилась она.

Цепь с тонким узорным плетением понравилась ей сразу и ужасно. Достаточно толстая в середине, она сужалась к одному из концов, другой же ее конец представлял собой головку змеи, рот которой служил застежкой.

– Это она сама себя за хвост кусает, – догадалась Даша. – Золотая! Старинная, вроде... И сколько такая тянет? – На последнем предложении высокоградусный восторг в ее голосе сразу упал ниже нуля – до скрытого отчаяния. Только что Даша отдала регистратурной девице свои предпоследние деньги. Последние, оставшиеся до зарплаты, могли покрыть только расходы на бензин и сигареты. За квартиру Даша не платила по причине полного отсутствия таковой, а о такой приземленной вещи, как еда, вообще не задумывалась никогда.

– Только для тебя, сто гривень, – лихо предложил парень. И тут же был повышен со звания «наш человек» до ранга «возможный кавалер». С мужчиной, который с ходу делает понравившейся девушке такие рождественские скидки, отношения могут сложиться очень и очень продуктивные.

– Да ты что? – для проформы поразилась Даша. – Впрочем, твое дело, – добавила она уже кокетливо. И, бестрепетно отдав ему бензиново-никотиновую сотню, сразу же на-

цепила приобретение на шею – под кустистую и развесистую инсталляцию. (По глубокому убеждению Даши Землепотрясной, украшений никогда не бывало слишком много!)

Следующие несколько секунд пара довольно обзревала друг друга.

– Слушай, а ты не знаешь случайно, эта Кылына может приворожить голубого? – продолжила разговор дама.

– Кылына способна приворожить любого, – весомо ответил «продуктивный кавалер», продолжая неприкрыто любоваться ею. Однако последнюю это нисколько не смущало.

– Здорово! – воскликнула она. – Может, тогда приколоться, и не только Сани, но и Алекса парикмахерского приворожить? – весело поинтересовалась Землепотрясная у себя самой. – Пусть эта стервоза облезет! Ха! Сейчас позвоню ей, позлю...

Подхватив болтавшийся на шее красный мобильный телефон, Даша попыталась набрать знакомый номер, не забывая подкармливать «возможного кавалера» многообещающими взглядами.

– Не берет! – нетерпеливо повела плечами она. – Наверное, – пошутила Даша, – у Кылыны слишком сильная энергетика – все глушит.

Она нерешительно затопталась на месте, раздираемая двумя взаимоисключающими желаниями: продолжить беседу с «рыжим и продуктивным» и немедленно огорошить парикмахершу убийственной информацией.

– Ладно, – решила Чуб. – Если кто подойдет, скажи, что я за тобой. Я только выйду позвонить и сразу вернусь. В общем, не прощаюсь. Ага?

– Заметано, – улыбнулся рыжий.

* * *

Отъехав от гостиницы «Андреевская», Катина «вольво» осторожно поползло вниз по спуску.

– Стой! – зарычала она на водителя. – Ты опять проехал мой салон! Он на дом выше, бестолочь! Еще один промах, и уволю к черту!

– Катерина Михайловна... – Шофер явно собирался оправдаться.

– Закрыли тему! – заткнула его Катя. – Здесь выйду, а то ты еще три часа разворачиваться будешь.

– Скоро в соседний подъезд на машине ездить будет, барыня! – злобно пробурчал водитель себе под нос.

Неуверенно ступая на каблуках по непригодным для дамской прогулки булыжникам Андреевского, Катя привычно чертыхалась про себя. Который год ее нервы были натянуты, словно стальные струны, и день за днем она безжалостно подкручивала их все сильнее: все контролировала, все помнила, за всем следила. В то время как ее шофер не мог запомнить даже дом, где находится косметический салон! Ну почему люди – такие идиоты? Вот та, например, – в идиот-

ской тубетейке, пирсинге и тату, возбужденно жестикулирующая и орущая на пол-улицы в свой красный мобильник.

Не так давно Катя заметила: мир вокруг вызывает у нее перманентное тупое раздражение. И понимала: это не очень хороший симптом.

«Если сегодняшний вечер пройдет нормально, – твердо пообещала она себе, – сразу же лечу в отпуск. Багамы, жемчужные ванны, массаж... Две недели. Попустит. Иначе сорвусь, чувствую, что сорвусь».

– Черт! – Она оступилась и чуть не грохнулась на мостовую. – Кстати, а вот и он, родимый!

На стене дома, за которую Катя ухватилась, чтоб не упасть, в сантиметре от ее ладони была приклеена смехотворная бумажка: «Любовные привороты и отвороты. Снятие сглаза...»

– «...Наведение порчи на врагов», – насмешливо прочитала она вслух. – Вот разводилово! Хотя-я-я... – Катя замаялась. – И чем черт не шутит...

Она с сомнением посмотрела на часы и вдруг, внезапно даже для себя самой, вошла в высокую, в два этажа, дверь.

Холл, куда она попала, был сумрачным и абсолютно безлюдным. В окошке регистратуры, утопив взгляд в детективе Донцовой, сидела среднестатистическая «идиотка».

– Я по поводу врагов... – Катя нервно забарабанила пальцами по стойке. То, что она свернула сюда с целенаправленного пути, плохо вписывалось в ее идеальный образ самой

себя.

– Порча на врагов? – бесцветно уточнила девица и потянулась к стопке бланков. – Триста одна гривня тринадцать копеек.

Катерина иронично дернула ртом – сумма была смешной. Слишком маленькой, чтобы решить за ее счет многотысячную проблему, и слишком большой для подобной шарашкиной конторы. Но ей так нестерпимо хотелось сделать какую-нибудь, пусть даже мелкую, гадость человеку, столь непозволительно резко разговаривавшему с ней утром по телефону.

Пусть у него хоть голова заболит, что ли!

– Имя, фамилия, адрес.

– Лариса Косач. Ярославов Вал, 32, квартира пять, – продемонстрировала образование Катя.

– Косач, через «а»? – продемонстрировала полное отсутствие образования Регистратура. – Идите к Кылыне, она еще час принимает. – «Идиотка» равнодушно обменяла направление на деньги и опять придвинула к себе книгу. – Три раза налево по коридору.

– И что, – презрительно фыркнула Катя, – существуют люди, которые ведутся на подобную херню?

– Ну, вы же повелись... – скучливо отозвалась девица, не поднимая головы от чтива.

Крыть было нечем. И Катя снова разозлилась. «Ладно, нужно быстрее заканчивать эту байду», – решила она и, сце-

пив зубы, зашагала к Кылыниному кабинету.

К счастью, наплыва посетителей там явно не наблюдалось. Катерина еще раз взглянула на часы и перевела требовательный взор на молодого человека, ожидающего своей очереди у двери.

На месте разбитного рыжего парня в мятой одежде сидел аккуратный, как картинка, блондин с глазами цвета зимнего неба и минусовым выражением лица!

Впрочем, ничего удивительного в этом вроде бы и не было. И каждый из нас без труда объяснил бы подобную смену декораций, предположив, например, что рыжий зашел в кабинет, а альбинос явился чуть позже... Если бы не одно странное совпадение: на безымянном пальце правой руки блондина сиял точно такой же перстень, а в левой он держал ту же самую книгу, открытую на той же самой странице.

В общем, тут стоило поразмышлять над теорией вероятности...

И будь Катя Дашей, она не преминула бы поинтересоваться, сколь велика возможность подобной случайности и не приравнивается ли она к многозначительному «нулю»?

Но Катя Дашей не была и потому, мгновенно прозондировав взглядом мужчину в белом костюме и прикинув на глаз стоимость его брюк и пиджака и даже вероятный бутик, где они были куплены не далее чем этим летом, подумала лишь, что данный представитель флоры и фауны – персонаж достаточно светский или, во всяком случае, способный понимать

человеческую речь. Хотя книга Булгакова и подозрительно большой камень в его перстне свидетельствовали: он ей, конечно, не ровня и особо церемониться с ним не стоит.

– Вы к Кылыне? – сурово спросила Катерина.

Блондин медленно поднял глаза и, изогнув правую бровь, оценивающе посмотрел на нее.

– Может, пропустите даму вперед? – не столько спросила, сколько приказала Катя.

– Не беспокойтесь, – лениво протянул блондин, сверля ее бледно-голубыми глазами. – Я зайду только на минуту. Мне нужно задать ей один вопрос, и я даже не буду дожидаться ее ответа.

– Точно на минуту? – начальственно уточнила Дображанская, пренебрежительно пропустив мимо ушей загадочное окончание фразы.

– Если быть точным, то на тридцать одну секунду, – холодно-светски улыбнулся блондин, обнажая безупречно белые зубы.

– Ладно, – разрешила Катя. – Скажите, что я за вами. – И развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

– Постойте, – неожиданно окликнул ее бледноглазый, и, оглянувшись назад, Катя увидела, как он подбирает что-то с пола.

– Вы, кажется, потеряли... – Мужчина протягивал ей золотую цепь.

Подумав, Катя вернулась и приняла украшение из его рук.

Цепь в виде золотой змейки, кусающей себя за хвост, обретенная здесь кем-то из посетителей, была вещицей экстракласса – старинная, золотая, наверняка авторская работа... Катя любила стоящие вещи: они единственные свидетельствовали о том, что в этом идиотском мире царит не только глупость и хаос.

– Спасибо, – сухо поблагодарила она блондина и, демонстративно надев цепочку себе на шею, пошла на улицу, походя заправляя обретенную змею за целомудренный ворот-стойку.

Щеголять чужой утратой было бы верхом идиотства: в любую минуту растеряха могла вернуться в «Центрф» в поисках потери.

Но что упало, то, пардон, – пропало!

* * *

Еще раз сверив адрес дома с торопливыми мамиными каракулями на бумажке, в которую та заботливо завернула «большие деньги», оторванные от семейного бюджета ради счастья своей юродивой дочери, дочь осужденно зашла в «Центрф Старокіевского колдовства на Подолф».

В дверях она столкнулась с высокой черноглазой дамой в брючном костюме, скользнувшей по ней невидящим взглядом.

«Какая красивая!» – чистосердечно поразились Маша,

невольню сворачивая шею вслед за ней.

Лицо дамы убивала резкая оправа очков с непривычно узкими, будто презрительно сощуренными стеклами. А безликая короткая стрижка отчужденно «умывала руки», точно не желая знаться с ее чертами, столь напряженными и злыми, что, казалось, по сведенным скулам дамы бежит высоковольтный электрический ток.

И все равно, в сравнении с черноглазой Рита, Лида и Женя казались лишь пародиями на красавиц!

«Если даже такая сюда ходит...» – приободрила себя Маша.

Нагнувшись к своей уже успешно развернувшейся машине, Катя повелительно постучала в окно – водитель поспешно опустил стекло.

– Едешь сейчас в салон, – распорядилась начальница, – берешь мою косметичку Таню и везешь ко мне домой со всеми причиндалами. И напомни ей, чтобы она краску для волос не забыла. Эта идиотка все время забывает, что мне седину прокрашивать надо.

Шофер пораженно посмотрел на Катерину и незамедлительно получил новую порцию крика.

– Чего вытарашился? Да, у меня седые волосы с девятнадцати лет! И чтобы через двадцать минут ждал меня на этом самом месте!!!

...Комкая в руках дорогостоящее направление, Маша Ковалева свернула за третий угол.

Блондин исчез, словно и не бывало, — на его месте, заложив ногу за ногу, сидел бело-джинсовый брюнет с татаро-монгольским лицом и черными, как волчьи ягоды, глазами. Осторожно обойдя его раскачивающийся в воздухе кроссовок, Маша села на самый крайний стул и вежливо спросила:

— Вы последний?

Брюнет поднял голову от книги, нежно посмотрел на нее и молча кивнул в ответ. На его руке сидел большой броский перстень с прозрачно-голубым камнем.

— Тогда я за вами, — вздохнула Ковалева и принялась сосредоточенно разглаживать смятую бумажку. Она успела заметить, что книга, которую читал сосед, — ее любимая «Мастер и Маргарита». И приревновать ее к нему...

— Почему вы сели так далеко? — нежданно поинтересовался брюнет. — Не любите мужчин восточной национальности?

— Нет, что вы! — Маша густо покраснела, испугавшись, что мужчина заподозрил ее в национализме.

— Не переживайте, — продолжал тот, подсаживаясь к ней поближе. — Я коренной украинец. Мои предки жили в Киеве еще до основания Киевской Руси. А затем грянуло татаро-монгольское иго. Естественно, это несколько сказалось на нашей внешности. — Он засмеялся. И Маше понравилось, что он врет, как образованный человек, а не как абхазец с вещевого рынка.

— Я ничего такого... Я просто думала, что это я вам, —

запинаясь, оправдалась она.

– Наоборот, – решительно прервал ее он. – Мне очень приятно встретить здесь такую замечательную девушку.

Она настороженно посмотрела на него, пытаясь нащупать в его словах замаскированные иголки иронии. «Издевается, – решила она резко. – Слишком красивый. Хотя и не такой, как Мир. А может, просто скучно ему тут сидеть».

– Я даже не ожидал встретить здесь такую, – любовно проворковал брюнет, придвигаясь еще на один стул.

И от этого вкрадчивого движения Машин живот истерично вжался вовнутрь, так что она разом ощутила все свои мускулы. Ситуация стала опасной! Удушливой от ее унижительного бессилия – очередной красавчик решил поиграть с ней, как кот с мышью, а она совершенно не умеет выходить из подобных игр.

– Если не секрет, зачем вы сюда пришли?

Она быстро опустила лицо – это был единственный известный ей прием самообороны. Крайне слабый.

– Не расстраивайтесь, – утешил ее мужчина. – Обещаю, он будет у ваших ног.

– Кто – он? – спросила она глухо.

– Вы знаете, – улыбнулся брюнет.

– Странно, – запоздало удивилась Маша, искоса поднимая на собеседника глаза. – Мне кажется, я видела вас сегодня по телевизору. В репортаже про аварию. Вы работаете с папой? Фу...

Она с облегчением выдохнула свой страх и сразу же перестала ждать подвоха.

Все просто: он знает ее отца и знает ее, – папа любит показывать их семейное фото, проживавшее в его старом бу-
мажнике. И понятно, что, встретившись с неказистой доче-
рью сослуживца, брюнет попытался пообщаться с ней мило.

– Вы где-то учитесь? – расплывчато вежливо поинтересо-
вался он.

– В педагогическом, на историка.

– А читаете только Булгакова? – (Надо же, папа расска-
зал ему и это!) – И наверняка только «Мастера и Маргариты»? – игриво поддел ее папин сотрудник. – «Белую гвар-
дию» девушки обычно не сильно любят. Она же про войну. –
Придвинувшись к ней вплотную, парень переместил книгу в
левую руку, показывая ей обложку, – это был сборник, стар-
ый и потрепанный, где под заглавным «Мастером» стоял
перечень других произведений, не удостоившихся крупного
шрифта: «Белая гвардия», «Собачье сердце», «Дьяволиада».

– А знаете, какое мое любимое место?

Его пальцы деловито погрузились в страницы – между
большим и указательным блеснуло какое-то украшение: не
то цепь, не то золотые четки – Маша не разглядела.

– Вот. Слушайте, – объявил благодушный любитель бле-
стящих побрякушек. – «Над Днепром с грешной и окровав-
ленной снежной земли поднимался в черную, мрачную высь
полночный крест Владимира. Издали казалось, что...»

Но что казалось издали глубокоуважаемому Михаилу Афанасьевичу, Маше узнать не судилось.

Дверь кабинета с надписью «Кылына» со скрипом отворилась, явив миру обладательницу столь редкого имени – молодую и нежнолицую, с пухлыми, как неочерченные лепестки, губами и светло-золотыми волосами, без намека на черные корни. Придерживая ручку двери, она нетерпеливо выталкивала взглядом посетительницу с перевернутым, огорошенным лицом.

– Так точно на кладбище, никак иначе нельзя? – с надеждой спросила потрепанная жизнью баба, судя по всему, порядком надоевшая золотоволосой.

– Никак! – отрезала Кылына. – Идите на кладбище, сто метров прямо от входа, потом тринадцать шагов на север, и копайте. То, что вы отыщете, вам поможет!

– Но...

– Но вы же хотите помочь вашей дочери, – потеплел голос златовласки. – Мать защищает матерей. Идите. Следующий! – Не глядя скомандовала она и молниеносно исчезла в глубине дверного проема.

Посетительница продолжала стоять, тупо глядя на дверь. Брюнет, вдруг разом позабыв про Машу и Мишу, отложил онемевшую книгу и двинулся по направлению к кабинету.

И Маша увидела, как, проходя мимо остолбеневшей женщины, он быстро положил ладонь ей на глаза и прошептал:
– Забудь.

Кылына устало склонилась над столом и ловко нацарапала несколько слов в журнале для посетителей. Дверь скрипнула, впуская нового страдальца.

– Ваше направление и квитанцию об оплате, – деловито напомнила она, не поднимая головы от записей и привычно протягивая вперед требовательную руку.

На ее ладонь послушно легла какая-то бумага, смятая и подозрительно глянцева и толстая, – на таких печатают не бланки, а дорогие книги и альбомы по искусству.

– А может, пришел твой черед платить по счетам? – тихо спросил мужской голос.

И рука ее глупо вздрогнула, а испуганный лист соскользнул с ладони и мягко опустился на пол...

Репродукция Матери Божьей с обреченным младенцем на коленях грустно глядела в потолок, скорбными расширенными глазами, словно заранее сострадая ее страшным мукам.

– Отец наш, не по праву я, стоящий слева, призываю суд над Ясною Киевицею, но... – ударил ее в грудь голос страшного гостя.

И стало больно.

Так больно, что боль вытеснила страх.

Маше показалось, что мужчина не пробыл в кабинете и минуты: вышел, едва лишь успел зайти, и, не взглянув на нее, исчез за поворотом коридора.

– Вы забыли! – позвала она его, протягивая вывернутые ладонями руки к забытой им книге, но ее оклик прозвучал слишком поздно.

Недочитанная страница «Дьяволиады» была заложена золотыми четками, и, машинально загнув край листа, Маша поднесла украшение к носу, разглядывая змею, прижимавшую зубами свой собственный хвост. Она бездумно поддела ногтем плоский нос рептилии: пасть раскрылась, хвост выпал. Застежка.

«Не четки», – поняла она, не разбиравшаяся ни в антиквариате, ни в степени благородства металлов.

Брюнет не возвращался.

«Передам вечером через папу, – здраво рассудила Ковалева, пристраивая украшения себе на шею, под ворот футболки, а книгу – в рюкзак.

Вздохнув, она подошла к двери и неуверенно взялась за выкрашенную масляной краской старинную ручку...

«Здравствуйте, мне нужно снять венец безбрачия».

Признаться в таком было стыдно даже себе самой, не говоря уже о молодой, золотоволосой Кылыне.

– Девушка, стойте, сейчас моя очередь! – властноскомандовал чей-то голос.

Маша послушно замерла. К ней спешили две женщины. Одна – та самая красивая брюнетка, с которой она встрети-лась при входе. Вторая – пухлая, крепко сбитая девушка с мно-жеством косичек и блестящей сережкой в носу.

– Девушка, отойдите! – отдала приказ Катерина.

Она уверенно протянула руку к ручке, но Даша стреми-тельно преградила ей путь и бесцеремонно осклабилась, вы-пятив пухлую нижнюю губу:

– Чего это ваша? Сейчас моя очередь, тетя! – нарочито презрительно процедила она.

За время работы в «О-е-ей!» Чуб заработала свирепую ал-лергию на всех катепоподобных «хозяек жизни». Но если там она обязана была считаться с ними, то здесь – извините-по-двиньтесь!

– Я занимала за мужчиной! Где он? – Этот вопрос Катя адресовала уже Маше.

– Он только что вышел, – промямлила Маша, пытаясь протиснуться на свободу. Она охотно уступила бы очередь им обеим, но Дашина спина, прижимавшая ее к двери, ока-залась абсолютно нерушимым барьером.

– Уже ушел? – искренне расстроилась Даша Чуб.

– Вот. А я за ним занимала! – рявкнула Катя, оконча-тельно выходя из себя.

Ее злил уже сам факт, что она обязана выяснять отноше-

ния с какой-то дурой-тинейджеркой.

С силой протиснув кулак сквозь Дашину подмышку, Дображанская вцепилась в Машины пальцы, сжимающие ручку двери.

– Это я за ним занимала, а тебя здесь и в помине не было! – возмущенно заорала Даша, отпихивая Катю животом. – Тоже мне, крутая выискалась! Думаешь, все тебе кланяться должны? Да пошла ты знаешь куда!

– Пошла на... – конкретизировала направление Катя.

Даша, получив, наконец, неприкрытое оскорбление, злобно лягнула Катю ногой и сделала ей подсечку, сопровождая это ответным матом – столь великолепным и искусным, что назвать его трехэтажным мог бы только дилетант – по количеству этажей тот рискнул бы поспорить с самым высоким нью-йоркским небоскребом!

Не удержав равновесия, подсеченная дама грузно завалилась на Дашу.

Даша – на Машу.

В то время как Маша с ужасом ощутила, что выбивает затылком дверь и летит на пол, увлекая за собой всю эту кучу-малу.

– Че-е-е-е-рт! – разъяренно прокричала Катя. Но вдруг издала нечто похожее на шипящее «х-а-а-а-а» и заглохла.

Преодолевая тяжелую ломоту в голове, Маша с трудом открыла глаза и тут же вскочила на ноги, напрочь позабыв про ушиб, поскольку увиденное ею было способно отбросить от

земли любого...

Казалось, в кабинете бушует ураган.

Свистящий вихрь кружил по комнате вещи и бумаги. Ледяной порыв дунул Маше в ухо, и, как это часто случалось с ней зимой, она мгновенно оглохла и в то же время расслышала вдруг, что в утробный вой ветра вплетаются еще множество голосов, смеющихся, шепчущих, улюлюкающих.

А по высокому потолку, словно огромный сумасшедший паук, металась страшная уродливая фигура.

– Больно!!! – застонала она. – Как больно!!! – вонзаясь посиневшими ногтями в вывернутое болью горло, как будто пыталась разорвать свою сморщенную кожу в клочья.

– Мамочки, – прошептала Маша, хватаясь за чью-то руку справа.

– Черт, – эхом прошелестело справа от нее.

– Вот это да! – потрясенно выхлопнула Даша и обмерла, позабыв закрыть рот, – женщина услышала ее!

Она замерла, мелко трясясь и не сводя с них исступленно-страстного взгляда. Резкая боль полоснула Машу по глазам, и она закрыла их, чувствуя, как из-под ресниц ручьем потекли слезы.

– Вам?! – издала истошный звериный рык бесноватая. – Я должна отдать это вам? Троим!!! Не хочу! Нет!!!

Помимо воли Машины веки взметнулись вновь, словно птицы, испугавшиеся гроыхающего звука.

И она увидела, как ураган безжалостно швыряет тело жен-

щины из стороны в сторону, бьет его о стены и потолок, а та кричит, кричит, кричит...

– Нет! Нет! Нет!

Но с каждым ударом ее «нет» становится все слабее.

– Хорошо, – заорала Кылына невыносимо и страшно. – Я согласна!

И в тот же миг странная, неведомая сила подбросила растерзанное пыткой тело к потолку, и, прилипнув к нему спиной, женщина отчаянно протянула к ним руки с растопыренными крючковатыми пальцами. И Маше почудилось, что кто-то ударил ее кулаком под дых, насквозь пробив кожу и кости.

Извивающиеся, как черви, пальцы завозились у нее внутри и нащупали сердце...

Стало нестерпимо больно.

Холодно. Невозможно. Темно.

Она не знала, сколько она стояла так, согнувшись пополам, ослепнув от боли, задыхаясь от беззвучного крика. Но внезапно боль ушла. Маша услышала, как что-то титаническое и тяжелое упало на пол прямо к ее ногам.

И глаза, снова ставшие зрячими, увидели: в обломках рухнувшего, оскалившегося деревянными стропилами потолка лежит молодая женщина с золотыми волосами и тихим, ясным лицом спящего ангела.

Из дневника N

Смерть.

Красивой, молодой, со сладкой и такой жадной к жизни кожей. Но мой гений запрещает думать об этом...

Интеллектуальное убийство от ума, в стиле расколовшегося Раскольникова, всегда разит паранойей. Убийство ради кайфа – болезнь. Желание убить должно быть естественным, как любовь и голод, и продиктованным такой же насущной потребностью.

Нормальный человек убивает так же органично, как вдыхает воздух, не заморачиваясь мыслью о том, что он превращает его в углекислый газ.

Вы не ослышались, – нормальный.

Ибо тот, кто не способен убить, при необходимости, – обычный выбрак природы. Вы поджигаете губы? Но вы и сами скажете так, когда ваш мужчина будет скулить, прижимая руки к груди, глядя, как вас насилюют трое. И закричите: «Почему ты не убил их?!!»

«Но это же совсем другое дело», – возразите вы мне.

И вот вы уже и попались!

Потому что ваш Бог запретил вам убивать, даже защищаясь. Он разрешил вам только безропотно принимать смерть.

Глава четвертая, в которой Даша теряет работу, Катя – борова, а Маша – здоровый сон

*«Да, человек смертен, но это бы еще полбеды.
Плохо то, что он иногда внезапно смертен... и
вообще не может сказать, что он будет делать в
сегодняшний вечер»*

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

Какое-то время девушки молча стояли, сбившись в кучу и продолжая цепко держать друг друга за руки и рукава одежды. Затем Даша, решительно стряхнув со своих плеч Катины ладони, опустилась на четвереньки, опасливо подползла к неподвижному телу и приложила два пальца к его шее.

– Пульса нет. Она мертва, – шепотом сообщила Чуб. – Что это с ней было? Передозировка?

– Дуры! – хрипло вскрикнула Катя, мигом оживая при слове «мертва». – Что бы это ни было, сейчас здесь будет милиция. Бежим! – И выполняя собственную команду, первая бросилась к двери.

Даша мудро последовала ее примеру, но заметив, что Маша по-прежнему стоит возле тела, словно соляной столб, да-

ла задний ход и, туго обхватив ее кисть, молча потащила тормозную барышню за собой.

Затравленно оглядываясь по сторонам, троица пронеслась по гулким и пустым коридорам «Центра». Однако, подходя к выходу, по крайней мере двое из них попытались сделать благообразный вид и прошествовали мимо регистратурной дивы, подчеркнуто размеренно цокая каблуками. Нейтральный звук был симитирован удачно: та даже не удосужилась выудить взгляд из детектива.

– Гена, гони! – просипела Катя, падая мешком на переднее сиденье машины.

– Куда? – нервно поинтересовался шофер.

– Куда подальше!!! – заорала Катя. – Ну же, скорей! Скорей!

Волоча за руку обмякшую Машу, Даша споро подскочила к своему мопеду.

– Сматываемся! – гаркнула она тормознутой прямо в ухо. – Э-эй, приди в себя! Куда тебя подвезти?

– Домой... – чуть слышно пролепетала Маша.

– Точный адрес, – беззлобно хмыкнула Даша, сдергивая с головы чудом удержавшуюся там тубетейку и заталкивая ее в карман красной кожанки. – О'кей, поехали. Садись сзади.

– А юбка? – пискнула Маша, растерянно показывая на свою одежду до пят.

– Да задирай по бедра – и вперед! – пришпорила ее амазонка.

«Пони», подпрыгнув, сорвался с места и бесстрашно понесся вниз с горы Андреевского спуска – Маша истерично зажмурилась, боясь потерять сознание.

– Кар-р-р... – откуда ни возьмись, появился черный ворон и, гордо расправив крылья, полетел вслед за ними.

Прыткий железный «лошаденок» промчался мимо Речного вокзала и, гудя, стал карабкаться вверх – на Крещатик. Водители дорогих машин словно по команде опускали затемненные стекла и провожали двух лихих наездниц веселыми, одобрительными возгласами. Один из них восторженно поднял вверх большой палец, и круглая физиономия Даши вмиг озарилась столь естественным для нее выражением радости жизни, бьющей ветром ей лицо.

– Эге-гей! – крикнула она своей спутнице. – А здорово это было! Как в настоящем ужастике!

Маша отчаянно сцепила зубы. Она пребывала в шоке и, судя по ее побледневшему лицу, выходить из него собиралась еще не скоро.

– Останови у метро, – с трудом выдавила она.

– Какого?

– Любого.

– О'кей!

Даша ловко подрулила к метро «Театральная» и терпеливо подождала, пока неуклюжая попутчица сползет с ее «ко-ня».

Та нервозно одернула юбку и огляделась вокруг шатаю-

щимся, мутным взглядом.

– Постой, – остановила ее Даша. – Отдышись. Ты точно до дому доползешь? Если нет, не комплексуй, так и скажи, я подброшу.

В ответ Маша лишь молча покачала головой.

– А как ты думаешь, что это все-таки было? – поинтересовалась ее спасительница, азартно выплескивая свое любопытство вслух и нисколько не надеясь на вразумительный ответ.

– Не знаю, – муторно затрясла головой Маша. – Но это страшно. Очень страшно. Я раньше никогда не видела, как умирают люди.

– Да? – беспечно удивилась Даша. – А я, знаешь ли, у нас в клубе на всякое насмотрелась. Но таких акробатических симптомов еще не видела. Интересно, чего она наглоталась... – Она задумчиво почесала нос, перебирая в уме все известные ей варианты.

– Дело не в этом, – вдруг тихо возразила ей тормознутая. – Я думаю, – ее голос стих до страшного шепота, – что Кылына...

– Вау-у!!!

Дашин победный крик слился с испуганным Машиным воплем – на руль мопеда камнем упал черный ворон.

– Ка-а-а-а-а! – важно заявил он, и Даше показалось, что это прозвучало как вежливое «Привет!».

– А-а-а-а! – передернувшись всем телом, Маша спешно

бросилась прочь, беспомощно шарахаясь из стороны в сторону и натываясь на прохожих.

– Во барышня зашуганная... Нервы ни к черту, – сердобольно покачала головой Даша, глядя, как та исчезает в яме подземного перехода.

Ворон, наклонив черную с изумрудным отливом головку, с пристальным интересом посмотрел вслед беглянке.

– А ты, птица, чья? – радушно улыбнулась ему Даша. – Ты что, ручной? – Она неуверенно коснулась пальцем его чернильной спины.

Но ворон, похоже, не любил фамильярности.

Неодобрительно фыркнув, птица взметнулась ввысь и пропала за крышей дома.

– Ну денек, землепотрясный... – усмехнулась Чуб и, нетерпеливо на лапав на животе свой мобильный, набрала знакомый номер.

Ее буквально распирало от впечатлений:

– Заядлая? Я тебе сейчас такое расскажу! Укачаешься! – проорала она в телефонную трубку. – Что? Наш спор? Я и забыла... – Дашино лицо потускнело.

Она неприязненно отшвырнула телефон и яростно пришпорила свой мопед.

* * *

Растянувшись на диване гостиной, Катя хмуро смотрела в

потолок, безуспешно пытаясь выплюнуть из головы этот паскудный день. Орудую фарфоровой розовой лопаточкой, косметичка Танечка аккуратно выкладывала ей на лицо жидкую зеленоватую массу.

– Что ж мы так напрягаемся... – просюсюкала Таня с отретированной интонацией любящей няни. – Нам нужно расслабиться, чтобы быть вечером спокойной и красивой.

Катя вздохнула: Танечка была сладкой идиоткой. Успокаивающе-сладкой, за это качество Катя и держала ее при себе. Но чтобы та ни щебетала, Катерина прекрасно знала: лишь только ее замшевый каблук перешагнет порог ресторана «Мерлин», она в секунду натянет на себя «нужное лицо» и блестяще проведет псевдоромантическую встречу с мерзостным Василием Федоровичем. И не оттого, что расслабится. Как раз наоборот, – потому что будет жестко контролировать каждый миллиметр своей улыбки.

В гостиной ритмично зудел телевизор и постукивали маленьким золоченым маятником часы с бронзовой пастушкой в наряде галантной великосветской дамы, купленные Катей в антикварном салоне «Модерн». Катя вспомнила про золотую цепь в виде змейки, и ее настроение слегка потеплело. Она попыталась расстегнуть замок, чтобы рассмотреть приятную обнову получше, но змея упрямо сжимала свой хвост, – наверное, застежка была с секретом.

– Седину не забудь закрасить, – напомнила она Тане, стараясь, чтобы лицо оставалось неподвижным. – Кому я нужна

седая?

– Я все помню, – звонко откликнулась косметичка. – Бы только личиком не хлопчите, масочка-то у нас стягивающая. Полежите пять минут спокойненько, будете как шестнадцатилетняя. Я уже краску размешиваю, не переживайте.

– Легко сказать не переживайте, – примирительно пробубнила Катя. – Знала бы ты, что я сегодня пережила.

– Так что же у нас сегодня произошло? – угодливо спросила Танечка, успешно сочетавшая основную специальность с профессией «дикого» психоаналитика и оттого тут же гармонично смирившаяся с мыслью, что заткнуть подопечную ей не удалось.

Если Катерину Михайловну прорвало на откровенность именно сейчас, с цементирующей маской на лице, что ж... Желание клиентки портить себе кожу – такой же закон, как и любое другое ее желание.

– Пришла сегодня по важному делу в одну серьезную организацию, – с апломбом пожаловалась Катерина, – а у их сотрудницы оказалась падучая. Умерла прямо у меня на глазах!

– Какой ужас, – профессионально поддакнула косметичка. – Садитесь-ка сюда, к телевизору... Какой кошмар!

Катя покорно переместилась с дивана на стул и невидяще уставилась на экран:

«...в музее русского искусства открылась долгожданная выставка Виктора Васнецова, – попытался успокоить ее тот

ничего не значащей светской информацией. – С 1885 по 1896 год художник жил в Киеве. Все без малого десять киевских лет Васнецов работал над своей легендарной картиной «Богатыри», которых считал реальными историческими личностями. Инициатором проведения выставки стал...»

Но Катерина благополучно прослушала имя и регалии инициативного любителя искусства и невольно вгляделась в телеэкран, лишь когда тот обрамил апатичное лицо зимнеглазого альбиноса, за которым всего несколько часов назад она занимала очередь в кабинет припадочной Кылыны.

Нет, Киев все-таки одна большая деревня!

– Ты представляешь? – продолжила Катя. – Вообще о кадрах не заботятся. Как можно больных и убогих к работе с людьми допускать?

– Это-о то-очно, – подтвердила Танечка, хотя в данный момент ее явно волновала проблема совсем иного рода.

Держа на расческе прядь Катиных волос, косметичка скрупулезно прорентгенила ее взглядом. Затем подхватила другую, третью...

– Ничего не понимаю! – растерянно выговорила она. – Катерина Михайловна, у вас нет ни одного седого волоска!

– Как это нет? – недоверчиво удивилась та. – Я что, слепая, по-твоему? Сегодня утром я видела у себя на голове седые волосы!

Приученная обходить все острые углы в характере клиентов, Танечка мгновенно подсунула ей свое ручное зеркало и

умильно улыбнулась, заглядывая туда Кате через плечо:

– Если мне не верите, сами посмотрите.

Катя раздраженно разворошила свои короткие волосы, энергично вертя шеей и придирчиво всматриваясь в каждый клоч.

– Черт, – недоуменно выдохнула она наконец. – Вот черт!

– Черные, как вороново крыло, – незамедлительно нашлась Танечка. – Вот видите теперь, какой состав у меня волшебный?

* * *

«Метро» Маша назвала просто так, потому что слово было коротким и не нуждалось в дополнительном разъяснении.

Спускаясь по эскалатору вниз, она отчужденно сосчитала рекламные мыльницы ламп, освещающих вход в подземный туннель (их было ровно девятнадцать). Потом села на деревянную скамью и мужественно попыталась взять себя в руки. Незнакомые люди пугали ее. Ну а знакомых, если не считать собственных родственников и семьи старшего брата, у нее попросту не было. Но обычно Маша достаточно быстро приходила в себя, стоило ей остаться наедине с самой собой.

Ворон!

Точно такой же сидел утром на подоконнике их кухни.

«Я должна отдать это вам? Троиш!!! Не хочу! Нет!!!»

«А здорово это было! Как в настоящем ужастике!»

А если не «как»?

Если...

Когда она, наконец, выбралась на землю и подошла к конечной остановке на площади Толстого, где уже поджидала ее преданная маршрутка, в Городе неожиданно стемнело. Грозиво-алый закат запутался в ветвях университетского ботанического сада. Маршрутное такси, теснимое стадом других машин, медленно спускалось с горы. Киев весь состоял из гор и холмов – больших, малых и безразмерных, уместяющих на себе многочисленные улицы, кварталы и даже целые города.

Крещатик считался Верхним Городом, под которым размещался Нижний Подол. Но, скорее, его следовало считать Средним, поскольку и сам он был стиснут двумя более высокими горами, на одной из коих возвышался крутой президентский киевский Капитолий-Печерск, на другой – киевский Акрополь: Михайловская и Софиевская площади, Андреевская церковь, Золотые ворота и Ярославов Вал...

И сейчас, съезжая, наверное, в миллионный раз своей жизни по бывшему Бибиковскому бульвару, Маша в миллионный же раз удивлялась, каким высоким изгибом идет дорога вниз, чтобы, притормозив в ложбинке площади Победы, снова рвануть в поднебесье победоносным проспектом.

Огни проспекта Победы на дальней горе, наполовину красные от бесчисленных задних фар, наполовину зеленоватые-белые, постепенно сходились в одной высокой точке, так

близко соседствовавшей со звездами, что отсюда, издалека, казалось: этот путь ведет прямо в небо...

Маша очередной раз поймала себя на мысли, что пытается вспомнить нынешнее имя Бульвара, в начале своей жизни звавшегося просто Бульвар. Но не смогла.

Обычно преданная и послушная, ее историческая память проявляла дивное упрямство, норовисто вышвыривая в «корзину» все, что касалось дня сегодняшнего. И Ковалева ездила по бульвару безрукого Бибикова⁴, мимо красно-черного университета Святого Владимира, где учился на медицинском *ее* Михаил Булгаков...

Мимо разделявшей бульвар пополам Аллеи Гимназистов, 1-й императорской гимназии в 14-м и 2-й – в 18-м доме, куда ходил Миша-гимназист...

И лишь иногда, близоруко щурясь, вглядывалась в украшавшие их ныне таблички, тут же забывая содержание оных.

«Если уж на то пошло, надо назвать бульвар Булгаковским! Он исходил его вдоль и поперек!»

«Он...»

Она вдруг очнулась, ощутив, что вновь способна мыслить и рассуждать здраво.

И глядя на аскетичное лицо Маши Ковалевой в темном, мерно подрагивающем стекле, в подробностях прокрутила в голове кинолентку Андреевского часа своей жизни.

Ее тело покалывала адреналиновая дрожь возбуждения,

⁴ Д. Г. Бибилов – киевский генерал-губернатор.

сцены, яркие и красивые, сменяли одна другую. Она чувствовала себя так, словно подошла к самой захватывающей части книги, и заглатывала ее жадно и одновременно медленно, дважды перечитывая особенно понравившиеся строки.

Сейчас она вернется домой и тщательно вспомнит все, каждую подробность, сложит их в целую картину и окончательно убедится в том, что...

«Я всегда знала, что это возможно! Я знала: он писал правду! Я знала это!!!»

– Это все диггеры, – услышала она, открыв дверь, усталый голос отца. (Он, как обычно, возмущался чем-то: правительством, мэром, ценами на транспорт.) – Коля толковал, а я еще не верил! А этим пещерам тыща лет, наверно, там только крикни, все на хрен завалится... Вот, видно, стена какая-то и полетела, а от толчка трубы полопались. Хорошо, что самих этих придурков не завалило. У-у, пацанье дурное!

– Ну че ты сам себя заводишь? – попыталась урезонить его мать.

Дочь неслышно притворила за собой дверь, надеясь на цыпочках прокрасться в свою комнату. Не сводя глаз с золотого прямоугольника кухни, из-за края которого высывалась стоптанная отцовская тапочка, подпрыгивающая на его раздраженной ноге, Маша сделала несколько аккуратных шагов и с грохотом натолкнулась на растреклятый велосипед.

«Ну почему я все время о нем забываю?!» – жалобно всхлипнула она про себя, хотя давно уже заметила за собой эту странную способность: полностью выкидывать из головы тусклые реалии своей жизни и искренне удивляться каждый раз, увидев их вновь.

Вцепившись в обиженное велосипедом колено, Маша поспешно прошкандыбала в комнату и молниеносно защелкнула замок изнутри. В дверь тут же постучали.

– Доченька, ну что? – послышался подобострастный и в то же время требовательный голос мамы. – Ты была там?

– Да, – отозвалась дочь.

– И что, сняли с тебя венец?

– Не знаю.

Сколько она себя помнила, она никогда не врала старшим. Но сейчас Маша вдруг отчетливо поняла, что впервые в жизни просто не способна сказать матери **НАСТОЯЩУЮ** правду.

– И порчу сняли? И сглаз? Все снимали? Ничего не оставили? – не унималась мама.

– Мам, потом... Я устала, – проканючила Маша, прекрасно зная, какую реакцию вызовет у родительницы этот аргумент.

И не ошиблась.

– И с чего это ты так устала?! – в мгновение ока выбухнула та. – Вот поработала бы, как отец, знала бы. Думаешь, учиться – это работа? Вон у Татьяны Петровны дочь уже всю

семью содержит: и мать, и отца, и бабуку, и сына родила, не то что... Устала она, видите ли! – Раздражение всегда перехлестывало в ней любопытство, и, взорвавшись, мама сразу забывала, что еще три секунды назад собиралась быть вежливой и терпеливой.

Женщина возмущенно зашаркала прочь.

А Маша с облегчением выдохнула воздух – при других обстоятельствах она ни за что бы не стала вызывать этот огонь на себя, но сейчас восприняла укоры мамы как небесную манну.

Подскочив к своему переполненному книгами шкафу, Ковалева нетерпеливо вытащила оттуда сразу три разномастных издания и начала спешно перелистывать страницы.

– Ага... – Ее палец уткнулся в вожаделенный абзац.

«Во всех славянских источниках, включая работу знаменитого Владимира Даля «О поверьях, суеверьях и предрасудках русского народа», существуют упоминания о том, что ведьмы рождаются именно на Украине...» – патриотично заявил ей малоизвестный автор А. А. Чуб.

– Верно, – радостно согласилась с ним Маша, имевшая привычку разговаривать со своими книгами вслух, не задумываясь о том, сколь странно выглядит это со стороны.

Она загнула нужную страницу, привычно швырнула одобренную книжку на кровать и, вытащив из-под мышки уже ожидавшего своего часа В. И. Даля, открыла раздел «Ведьма»:

«Ведьма известна, я думаю, всякому, хотя она и водится, собственно, на Украине, а Лысая гора под Киевом служит сборищем всех ведьм, кои тут по ночам отправляют свой шабаш...» – витиевато начал свой рассказ член-корреспондент императорской Академии наук и заведующий особой канцелярией министра внутренних дел.

– Глубокое вам мерси, любезнейший. – Владимир Иванович полетел вслед за Чубом. – А что у вас, коллега? – Маша неловко открыла «Малую энциклопедию киевской старины» А. Макарова и зашуровала пальцами по страницам.

«Лысая гора – место сборища ведьм. В европейских странах насчитывалось несколько таких гор. Все славянские Лысые горы находятся в Киеве», – лаконично отчиталась энциклопедия.

– Да!!!

Маша с обожанием прижала книгу к губам, словно та только что объяснилась ей в любви.

В ее глазах сияло страстное ликование.

– Что же теперь?! – спросила она звенящим от восторга шепотом своего платонического коллегу-историка. – Не может быть, чтобы все это было просто так!!!

* * *

– Все, как мы репетировали, – напомнила балету Землепотрясная. – Вы танцуете весь проигрыш, резко падаете, по-

том, типа по вашим тропам, выхожу я.

Они стояли в узком, выкрашенном серой масляной краской коридоре, в конце которого, за черной занавесью, просматривался кусок сцены. Дашино лицо было щедро раскрашено яростным сценическим мейк-апом, а на плечах сидело убойное творение ее собственной дизайнерской фантазии: лоскутное платье-пиджак из разноцветных, плотно расшитых сверкающими блестками кусочков ткани. И хотя о безвкусоности туалета певицы можно было бы долго спорить, следовало честно признать: отвести от нее взгляд было практически невозможно.

– А когда ты пойдешь в зал, мы... – начал голубоглазый Сани.

– Нет! – певица и арт-директор клуба в одном лице решительно провела ладонью перед его носом. – Сегодня я в зал не иду. Директор сказал: еще одна проходка по залу, и он вышибет меня на фиг!

– А как же наш номер? – заволновался руководитель балета. – Ведь когда ты идешь в зал, мы...

– Будете танцевать у меня за спиной.

– Но ты нас перекроешь, – горько заныл танцор.

– О'кей, я сяду сбоку, типа «голос автора». Как в «Notre Dame de Paris». Только отойдем немного, есть разговор. – Вцепившись в ворот его рубахи, Даша, пятясь, потащила Сани на себя.

Тот покорно шел за ней, приветливо улыбаясь и ожидая,

что она скажет, – Даша Землепотрясная стояла в его личной шкале ценностей на втором месте, сразу после Мадонны.

– Сани, – подчеркнуто серьезно произнесла она, – ты только не дергайся сразу. В общем, я поспорила с Заядлой, что тебя соблазню.

Танцор невольно отступил от Даши на шаг, глядя на нее глазами испуганного олененка, – такого подвоха он от нее не ожидал!

– Если не в облом, давай симитируем страсть. Ты же артист, чего тебе стоит? А за мной, ты знаешь, не убудет.

– Ладно, – с сомнением промямлил артист. – Я попробую. Только объясни поконкретней...

– Значит, договорились? – вдохновилась Землепотрясная. И в тот же миг услышала злорадные хлопки за спиной.

Заядлая стояла в дверях гримерной с перекошенной от самодовольства мордой, хотя обычно, обработав балет, всегда рысью бежала в зал ворковать с охранником Алексом. И чтобы подправить растекшееся от энергичного пения лицо, Даше нередко приходилось вытаскивать сотрудницу из кабины мужского туалета, где развивался ее бурный роман.

Даша раздраженно топнула ногой: вот подстава! Кто мог знать, что сегодня она залипнет здесь?!

– За лошиху меня держишь, да? – гадливо скривилась парикмахерша. – Ну что ты кому доказать хотела? Иди теперь, поцелуйся на прощанье со своим мопедом!

И Даша осознала вдруг странный факт: эта девушка ее

ненавидит.

Конечно, они не были ни подругами, ни приятельницами, а всего-навсего сослуживицами, и цирюльница обожала бурчливо поучать ее, но она всегда беззлобно списывала все заядловские «фе» на стандартный стержовный характер. Их препирательства, так же как и сегодняшний спор, были для Даши лишь детской игрой в войну, участвуя в которой ты рискуешь получить максимум царапину.

– За что ты меня так не любишь? – недоуменно спросила она парикмахершу.

– За что?! – с ненавистью выпалила Заядлая в ответ. – А что, нормальный человек будет звонить мне из какого-то дебильного «Центра» и кричать, что он парня моего к себе приворожит? Ты, вообще, прежде чем что-то сделать, хоть раз головой подумала?! Ась?

– Мы пошли, – робко пискнул Сани, касаясь Дашиного плеча.

Музыка уже звала их на сцену.

* * *

Гордо выпрямив спину, чтобы подчеркнуть грудь и надменную посадку головы, Дображанская с застывшей поблажливой улыбкой смотрела на потную лысину борова, слюнявившего ее руку. Он поднял похожую на бильярдный шар голову и жадно заглотнул Катю взглядом.

«Смотри не поперхнись...» – неприязненно усмехнулась она про себя.

Боров казался ей жалким, похожим на голодного ребенка, которого вот-вот позовут к праздничному столу, и заранее пожирающего глазами тарелки с едой, не зная, за что хвататься в первую очередь.

Точно так же весь вечер Василий Федорович остервенело ощупывал взором ее грудь, шею, лицо, колени, зная, но все еще не веря, что эта женщина принадлежит ему.

Приняв его приглашение в ресторан, Катя без долгих предисловий высказала «Веселому начальнику налоговой» свою просьбу – столь хлопотную и трудноосуществимую, что было понятно: никто не станет просить о подобной услуге даром. Ему оставалось лишь осторожно намекнуть о цене.

И все же он не надеялся, что она согласится. Он начал верить в это только тогда, когда, стоя возле подъезда, Катя произнесла классическую фразу про «зайти, выпить что-то еще»...

– Так я могу рассчитывать, что вы не бросите слабую женщину в беде? – кокетливо-светски поинтересовалась Катерина.

– Конечно, – возбужденно затарахтел Василий Федорович. – Это мой мужской долг. Я вам всегда говорил: нам нужно чаще встречаться. И поверьте, Катенька, у вас не будет никаких, абсолютно никаких проблем.

Он мутно посмотрел на ее бюст, обведенный глубоким

вырезом платья.

Она знала, что сейчас он тщится понять своим запотевшим от похоти умом, все ли светские приличия соблюдены и можно ли ему, наконец, приступить к долгожданной распаковке этого подарка судьбы?

«Поцелуйи мы опустим», – жестко решила она, внезапно осознав истинную прагматичную причину путанского этикета: «все, что угодно, только не целоваться в губы!».

Свое тело можно контролировать. Но как заставить организм сдерживать процесс обратной перистальтики, лобызаясь с подобным хрычом?

Однако свою убогую мечту он должен получить по полной программе.

– Я сейчас, – плотядно проворковала Катерина, касаясь пальчиком его мясистого носа. – Ждите меня здесь.

– Катенька, – тяжело пропыхтел он. «Жди, жди...»

Продажная любовь – дело тонкое: поторопишься – мужик сочтет тебя проституткой, затянешь с оплатой – разозлится, испугавшись, что ты морочишь ему голову. Все должно быть точно, как в аптеке.

– А вот и я!

Катя картинно застыла в дверях спальни, в шелковом пеньюаре, белье и чулках, прекрасно понимая, что выглядит сейчас как тривиальная шлюха из «Плейбоя». И брезгливо отметила, как жалко исказилось его лицо.

«Быть может, мужчин возбуждают не столько сами чулки,

сколько рабская покорность, с которой женщина безропотно натягивает на себя эту пошлость? Идиот, полный идиот... Интересно, сколько это у него займет времени?» – тоскливо подумала она, когда тот, поняв, что получил долгожданную отмашку, ринулся на нее и жадно вцепился в ее торс.

Стрелка на пастушьих часах приблизилась к половине одиннадцатого.

– Ля... – запели часы.

И Катя вдруг изогнулась дугой и начала судорожно хватать ртом воздух.

– О, Катенька, какая вы возбудимая! – завелся Василий.

А она почувствовала, что не может больше вытерпеть ни секунды и если сейчас же не вырвется из его тошнотворных рук, то заорет во всю глотку. Взвизгнув, Катя вывернулась с такой силой, что чуть не упала, и бестолково схватилась за спинку дивана.

– Что случилось? – просипел кавалер.

Она нелепо заметалась по комнате, будто птица, случайно залетевшая в человеческое жилье и затравленно ищущая выход. Хотелось выскользнуть, вырваться, избавиться, убежать...

А в голове появилась странная мысль: «Мне нужно туда!»

– Катенька! – уже нервно пробасил Василий Федорович.

Она отчаянно рванула в прихожую, спотыкаясь и хватаясь слепыми руками за стены.

– Катерина Михайловна, я не понимаю! – попытался оста-

новить он ее и, получив великолепный, мастерски отработанный и исчерпывающий удар в челюсть, с позором полетел на пол.

Трясущимися, неверными пальцами Катя открыла замок входной двери и помчалась на улицу.

«Быстрее! Быстрее! Быстрее!» – стучало в мозг.

Возмущенная шелковая тапочка с помпоном из лебяжьего пуха строптиво соскочила с ее ступни.

Катя разъяренно лягнула ногой, отшвыривая и вторую, и понеслась босиком в темноту, понятия не имея, куда и зачем она бежит.

* * *

Едва лишь из допотопных ходиков, висевших над кроватью в Машиной спальне, проклюнулась облезлая кукушка и издала первый невразумительный хрип, Маша села в своей постели.

Она легла спать еще в десять, и сейчас глаза ее были по-прежнему закрыты, но рука решительно откинула одеяло – Маша опустила босые ноги на коврик и механически натянула пухлые тапочки в виде лопоухих собачек – подарок папы. Затем, слепо вытянув перед собой ладони с широко расставленными пальцами, уверенно направилась в коридор.

Заслышав неопознанный грохот, мать и отец разом выбежали из своей спальни и успели увидеть куцую косичку на

ситцевой спине дочери и заднее колесо велосипеда, исчезающие за дверью квартиры.

В подъезде недовольно застонал потревоженный лифт.

– Куда? – подскочил Владимир Сергеич. – Сейчас одиннадцатая ночь!

– Молчи, – резко осадил его мать. – Впервые в жизни дочь уходит на ночь из дома. Ей двадцать два года. Она имеет право на личную жизнь! Вот видишь: сняли венок безбрачия – сразу подействовало!

– Какая личная жизнь в пижаме? – заорал тот, взбеленный ее бабскими бреднями. – Какой венок?! На ней же пижама и тапочки! И на велосипеде ездить она не умеет...

– О боже! Она лунатичка! – схватилась за сердце мама и заорала в голос: – Машенька, девочка, вернись!

Мать стремглав выбежала на лестничную площадку и, услышав, как лифт с лязганьем открылся на первом этаже, торопливо перегнулась через перила.

– Доча! Доченька! – завопила она, сложив рупором руки. – Доченька, что с тобой?! Вернись сейчас же, слышишь!

Не открывая глаз, Маша стремительно неслась на велосипеде по безлюдной улице Уманской, не зная, ни куда она едет, ни того, что она вообще едет куда-то.

* * *

Зал клуба «О-е-ей!» дружелюбно заплодировал. У Даши

не было своих песен, и весь ее широкий репертуар – от «Зачем ты дочку-воровку на свет родила?» до «Мой мармеладный, я не права» – был позаимствован с чужого плеча. Но зато голос и темперамент у Даши Землепотрясной были своими собственными.

– А теперь, – знойно заявила она, – не пора ли нам потанцевать под самый забойный хит этого лета...

Диджей понял ее намек и врубил минусовую фонограмму.

Публика довольно загудела. На сцену выкатился балет – в дань сезонной моде они споро сваяли на эту песню отдельный номер.

«Дети любят лимонад...» – замурлыкала певица, и неожиданно ее сердце радостно захлопало: Даше показалось, что за восьмым столиком она увидела знакомую рыжую голову «продуктивного кавалера».

«Он или не он? Если он, – это, считай, судьба. Нет, точно, он!» – подумала она, и нетерпеливые ноги привычно понесли ее к ступенькам в зал.

– Зем, – быстро просипел Сани, делая вид, что пытается вовлечь ее в танец, – тебе незя.

Даша Землепотрясная некрасиво выругалась про себя: она не любила признавать, что между желанием и его немедленным осуществлением могут существовать какие-то объективные преграды.

– Справа, – шепнул Сани и потанцевал прочь.

Директор стоял у входа в служебные помещения и напря-

женно смотрел на нее.

«Дети любят лимонад...» – Она интенсивно запрыгала на месте, словно заведенный механический заяц.

Что же делать? Что делать?

Конечно, рыжий заметил ее. Не мог не заметить! А вот узнал ли?

Даша лихо пошла на abordаж.

– О, я вижу в зале знакомые лица! – энергично замахала рукой певица. – Танцуем! Танцуем! Все. И рыжий с восьмого столика тоже.

Парень поднял голову и улыбнулся ей во всю ширину лица. В его глазах не было удивления, и Даша поняла, что он идентифицировал ее давно, возможно, еще там, в «Центрѣ Старокієвського колдовства на Подолѣ», он уже знал, кто она и где ее искать.

«Ура! Здорово!»

Она вышла на самый край сцены, под которой уже толпились танцующие пары, и потянулась к нему взглядом. Ее правая ступня подскочила вверх, прицеливаясь на прыжок в зал, – движение было таким резким и внезапным, что Даша покачнулась.

«Что это, судорога?» – не на шутку испугалась она, усилив воли возвращая взбунтовавшуюся конечность на место. Но только ее левая нога неуверенно коснулась пола, правая сама скакнула ввысь, согнувшись в колене, и от перепуга Даша с силой надавила ладонью на коленную чашечку.

Танцующие с сомнением покосились на нее.

– Видите, под эту песню ноги сами рвутся в пляс! – закричала она, отчаянно пытаясь обыграть непредвиденный жест. – Но мне нельзя, я должна развлекать вас. Танцуем! Танцуем!

И тут ее ноги окончательно взбесились. Они упрямо подпрыгивали по очереди, как будто внутри нее сломался какой-то механизм, и, морщась от боли, певица уже неприкрыто дубасила себя кулаком по коленкам. Со стороны казалось, что она, кривляясь и идиотничая, подпрыгивает на месте в дурацком комическом марше. Зрители смеялись. Балетные мальчики, выстроившись в шеренгу позади нее, дружно замаршировали, стараясь поддержать начальницу, с которой явно происходило что-то неладное.

– Видите, что с ними творится! – хрипло выдохнула Даша. Она уже задыхалась и не могла петь, и напрочь позабыла про рыжего кавалера, только из последних сил пытаясь сохранить лицо.

«Что со мной, Боже?»

– Эй, давай, танцуй с нами! – фамильярно распорядился какой-то расхристанный пьяный мужик и, неожиданно схватив Дашу за рукав, сдернул веселую певицу со сцены.

И в ту же секунду ей стало легче.

Она стояла в колышущейся толпе, настороженно прислушиваясь к себе, пытаясь понять: неужели сумасшествие отпустило ее?

– Думаешь, Рита до сих пор там стоит...

– На нее непохоже...

– Тогда чего не пришла... – вкрутились ей в уши чьи-то случайные реплики. Две девицы – ангелоподобная блондинка и безгрудая шатенка – безрадостно извивались в двух шагах от нее.

Расхристанный самонадеянно потянулся к Дашиной талии.

Но внезапно, словно осознав нечто невероятно важное, певица порывисто сунула в его потную ладонь клубный микрофон и со всех ног понеслась к выходу, чувствуя, как с каждым шагом боль отступает, отступает, отступает и на смену ей приходит уверенность, что она поступает единственно верно.

Выскочив на улицу, Чуб стремглав порысила к черному входу, где пасся ее преданный мопед.

«Скорей! Скорей! Скорей!» – сверкало в голове.

– Стой, – услышала она за спиной запыхавшийся мужской голос. – Стой, кому сказал! – Кто-то беспардонно оттолкнул ее в сторону. Это был Алекс – амбаловидный охранник их клуба и по совместительству любовник Заядлой. Немного отстав, парикмахерша уже подбегала к ним.

– Я же говорила, что она слинять попытается! – пропыхтела она.

Набычившись, Алекс встал между Дашей и ее «пони» и по-хозяйски положил руку на руль.

– Это больше не твоя игрушка, – тяжело сказал он. – Отдавай ключи.

– Пусти! – одержимо заорала Даша, бросаясь на него. – Мне нужно туда! Я опаздываю!

Алекс безгласно отшвырнул ее одной рукой.

– Куда ты опаздываешь? – желчно засмеялась Заядлая. – Тебя уже отовсюду уволили. Директор только что сказал: можешь идти на хрен! Я всегда знала: рано или поздно ты доиграешься.

– Уйдите! – утробно зарычала Чуб.

В ее голову будто вылили чайник с бурлящим кипятком, и она с трудом осознавала реальность. Но из последних сил попыталась выловить там последнюю живую мысль:

– Срок был до праздника! Не соблазню Сани до шестого, машина ваша!

Алекс недовольно посмотрел на свою подружку.

– Че ж ты дергаешься, раз вы до шестого спорили? – процедил он весомо.

– Но она ж уволена, – попыталась возразить та. – Где мы ее потом искать будем?

– Без разницы, – парень нехотя убрал руку с руля и повернулся к Даше. – Спор есть спор. Катайся до послезавтра.

* * *

Истеричный телефонный звонок заставил Машину мать

схватиться за тяжелую грудь и испуганно охнуть:

– О господи! Это...

Опередив ее, Владимир Сергеевич подхватил тревожную трубку.

– Да, еду! – сурово сказал он.

– Это Маша? Маша? – затряслась мама.

– Авария, – объяснил он свирепо. – На том же месте. Наши уже милицию вызвали. На Фрунзе опять море разливанное! Это ж, типа, злостное хулиганство. Только какой толк от ментов? – Сергеич уже впрыгнул в штаны и заправлял в них старую поношенную ковбойку. – Сама считай: пока воды на-tekло, пока жители аварийную вызвали. Этих диггеров уже и в помине нет. Если их не завалило, конечно. Тогда будем трупы разгребать... Нет, не понимаю я, – буркнул он недово-менно и зло, – че, им там медом намазано?

– А тебе, тебе чем намазано? – заголосила в ответ супру-га. – Сейчас не твоя смена! Какого ж ты?! У нас дочь про-пала! Как втемяшишь себе что-то в голову, на остальных на-чхать!

– Несознательный ты элемент, – недовольно усмехнулся Сергеич. – Я те трубы чуть не сутки чинил, а отродье всякое обратно пакостить будет? А Машка наша вернется, никуда не денется.

Глава пятая, в которой происходит преступление

Трепет пробежал по его жилам: перед ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Она лежала, как живая... Вдруг что-то страшно знакомое показалось в лице ее.

– Ведьма! – вскрикнул он не своим голосом.
Н. Гоголь. «Вий»

Пролетев два моста – пешеходный и мост Метро, – Даша подумала вдруг: «А куда я еду?» Но мысль эта была слабой и несущественной: она чувствовала, что стремительно приближается к своей безымянной цели.

И лишь, когда мопед, проскочив третий, романтический мост «влюбленных», который менее романтические горожане называли «чертовым» мостом и мостом «самоубийц», взвился на Владимирскую горку и справа мелькнул Михайловский златоверхий монастырь, наездница поняла, что за чем-то возвращается на Андреевский спуск.

Она вырулила на перекресток Владимирской и Большой Житомирской и свернула во двор, на Пейзажную аллею, – излюбленное место всевозможных прогулок. Хозяева выгуливали здесь своих собак, мамыши – детей, а подростки –

свои первые бутылки с пивом. Раньше Даша и сама не раз прохаживалась тут с друзьями, лениво прихлебывая малоалкогольное пойло и выискивая романтический уголок, где можно с шиком покурить с видом на Город.

К слову говоря, это было странное место, хотя привыкшие к нему киевляне вряд ли осознавали данный факт. Ну не дивно ли, что во дворе одной из центральных улиц, за огибавшим аллею невысоким каменным парапетом зияла дыра глубокого, поросшего деревьями яра, нисколько не напоминавшего цивилизованный городской парк или сквер? С другой стороны яр надежно охраняли две овечьи дурной славой горы, и даже те немногие, кто спускался на его дно в солнечный день, чтобы дать порезвиться любимому псу или заняться скоропалительным сексом за густыми кустами, ни за что не отважились бы сунуться сюда ночью.

Впрочем, сама аллея даже в полночь считалась местом гулябельным и достаточно безопасным. И уверенно направив руль в сторону сторожившего обрыв исторического музея, Даша обогнала странную велосипедистку в красных тапочках, изображавших каких-то ушастых зверьков. Больше вокруг не маячило ни одной живой души. И доехав до безмолвного музея истории Украины, Даша неожиданно осознала: она прибыла.

«Куда, на экскурсию?» – успела подумать Чуб недоуменно и тут же спешно отскочила в сторону.

Чокнутая велосипедистка, зажмурившись, неслась прямо

на нее и, не сумев наехать на Землепотрясную Дашу, со звуком врзалась в ступеньки у входа. Даша хотела броситься к ней. Но тут кто-то третий сильно толкнул ее справа, сшибая с ног. Она ухитрилась подставить руку, чтобы приземлиться с наименьшими потерями, и, падая, заметила краем глаза. велосипедистка встает без посторонней помощи и глаза ее уже широко открыты, а в них плещется неподдельный ужас и изумление.

– Где я? – поразились она. – Что я здесь делаю?

– Что вам надо?! – безобразно заорали сверху.

– Не знаю!!! – возмущенно гаркнула в ответ Чуб, резко поворачивая голову.

Над ней стояла безумная черноволосая дама в одних чулках и нижнем белье. Обувки на ней не было, и от ступней до коленей чулки были покрыты грязными дырами и «стрелками».

«Да это же те самые, с которыми...» – но довести до конца эту мысль Даше не удалось.

В полуметре от них беззвучно взорвался столб огня. И как тогда, в «Центр Старокієвського колдовства», препирающиеся инстинктивно бросились друг к другу, сцепившись в испуганную кучу и невменяемо глядя туда, где происходило нечто совершенно невозможное.

На глазах у них огонь поднялся от земли, точнее, от ковра расстилавшихся перед входом в музей бетонных плит, которые вроде бы никак не могли гореть, а в сверкающем го-

рячем пожаре появилась высокая женская фигура.

«Кылына», – узнала ее Маша, почти не сомневавшаяся, что видит сейчас перед собой лишь страшно-прекрасный сон, где ей явилась мертвая красавица, чьи золотые волосы сливались с пламенем огня.

– Вот вы и здесь, – угрюмо сказала умершая.

И стоило ей заговорить, пламя вмиг погасло, и тело женщины стало прозрачным, словно лунное марево.

Теперь сквозь него были видны горящие окна домов, стеной обрамлявших Пейзажную аллею, и темное беззвездное небо...

– Здесь вы будете собираться каждую ночь, словно кошки, которые, заслышав мышь, не в силах сдержать себя по собственной воле, – сказала покойная с тоской. – Мне пришлось отдать свою власть вам – трем слепым. Но не радуйтесь этому! – нестерпимо простонала она, как будто бесчувственные и одуревшие от жути, они могли обрадоваться сейчас хоть чему-то. – Мой Город – не подарок вам, а проклятье! Моя власть – ваше рабство! Вы избраны на погибель! Я стала первой, но будет и вторая, и третий, и он вновь вернет себе силу, которой был лишен тогда. Вы умрете прежде, чем рябая станет любой, а боль сгорит в огне, ибо ваше спасение лежит там, куда вам нет возврата...

Не сговариваясь, девушки молча попятились назад, подальше от этого тяжелого, немигающего взгляда, который, казалось, необратимо хоронил их сейчас заживо.

– Все. Я отдала вам все... – прошелестел, угасая, ее мучительный голос. – Осталось отдать только это.

Она властно подняла расплывающуюся призрачную руку к небу – и Катя, Даша и Маша одновременно воздели глаза вверх и обнаружили, что оттуда на них стремительно летит нечто большое и темное. И прежде чем они успели броситься врассыпную, их настигла оглушающая чернота...

Но перед тем как провалиться в небытие, Даша увидела, что небо над ними вдруг перестало быть темным, прорвалось тысячью серебряных звезд и мигнуло где-то слева тревожно-красным огнем.

«Самолет», – подумала она и потеряла сознание.

* * *

– Ну че, вертай взад. Вишь, заперто! Во жизнь сволочная!
– Так че нам теперь, на гору пехом?!
– Нет, через забор, со всем снаряжением!

Нервные и препирающиеся аварийщики столпились у запертых ворот, ведущих на скромную территорию Кирилловской церкви, огражденную блочным каменным забором от заповолившей гору многокорпусной психиатрической больницы имени Павлова.

К церковным воротам с улицы Елены Телиги вел удобный асфальтовый подъезд. Но получалось: чтобы сделать еще сто шагов и попасть на горный склон, где прятался необходимый

им железный люк, следовало взломать замок на входе в святую обитель или «вертать назад» и карабкаться на склон снизу.

– Все, ехай! Покатались! – раздраженно бросил водителю один из рабочих.

– Погоди, – остановил его Владимир Сергеич. – Глядите, в церкви-то свет...

В узких, как щели, окнах корпулентной Кирилловской церкви мерцало слабое желтоватое пламя.

– Ты, Сергеич, сегодня во-о-ще безбилетный. Так и не лезь! – бухнул тот, что сказал «ехай», и махнул рукой.

– Да чего ты? – остудил его второй. – Он прав. Нужно позвать, они нам ворота и откроют.

– Отсюда не дозовешься... Церковь старая, стены знаете какие! Ну-ка, пособи... – Владимир Сергеич отошел к соседствующей с воротами калитке. Крякнул. Оперся на плечо второго, схватился за прутья и, поставив ногу на стянутую суровой ржавой проволокой ручку, с юношеской молодцеватостью перемахнул двухметровый забор.

– Ждите. Сейчас! – пообещал он.

Рисуясь и гордясь собой, Машин отец зашагал мимо мусорных баков к дородной и белокаменной русской красавице. Дойдя до расчерченной клеткой металлических полос тяжелой деревянной двери, Сергеич замялся, собираясь перекреститься, но постеснявшись делать это на глазах у сослуживцев, нахмурившись, толкнул одну из створок.

Та открылась, отворив вход в высокое квадратное пространство центрального нефа, очерченное уходящими в небо насупленными средневековыми колоннами. Внутри церковь оказалась ужасно маленькой. А ее стены были темными и облупленными, хранившими остатки тысячелетних фресок и пририсованные к ним позже недостающие части святых.

Но нынче, в полутьме, старые, стертые столетиями краски сливались в белые «облака», и Богоматерь в центральной апсиде, с отрезанной временем головой, и отсеченные от туловища босые ноги святых, охранявших поместившийся между ними мраморный иконостас, производили впечатление жуткое и гнетущее.

И из-за этого церковь казалась заброшенной, не живой. Покинутой Богом и людьми...

Но была действующей. И некое неизвестное Сергеичу и, похоже, не предназначенное для взгляда мирских религиозное действо происходило в ней прямо сейчас.

На розоватом полу из ширококостных, подогнанных друг к другу разнокалиберных каменных плит сиял треугольник из оплавленных церковных свечей. А в его центре лежал лицом вниз безликий и бездыханный на вид священнослужитель, упираясь крестообразными конечностями в края непонятного треугольника.

Руки лежащего были неподвижны и безмолвны, ноги неподобающе заголились, и Сергеич сконфуженно попятил-

ся обратно, понимая, что увидел то, что не должен был узреть, — чье-то суровое ночное моление.

Он развернулся, намереваясь уйти, и инстинктивно по-ежился, увидав, что на фресках, справа у дверей, изображены человеческие головы, горящие в муке красного адского огня.

*СКРЕЖЕТЪ ЗУБОВЪ
ОГНЬ НЕ УГАСАЮЩІЙ
ЧЕРВЪ НЕУСЫПАЮЩІЙ —*

прочел он. А в это время отсеченные головы кричали, пронизанные насквозь извивающимися адскими червями, и скалили скрежещущие зубами рты — неумелые и нарочито пугающие, словно срисованные со школьной тетрадки его сына, когда тот, будучи подростком, любил малевать всякие убийственные ужасы.

*Уважаемые прихожане,
в церкви запрещается целовать стены —*

гласила бумажка рядом.

Вторженец замер и инстинктивно потянулся тремя сложенными пальцами ко лбу, ощутив вдруг неосознанный и безымянный, но нарастающий и теснящий грудь ужас Хомы Брута, еще не знающего, что ожидает его за порогом полуночной и пустой церкви, но каждой порой своей кожи понимающего уже: лучше не знать этого никогда! Бежать без оглядки, пока еще не поздно!

Поздно.

Владимир Сергеич оглянулся. И сразу узнал, что заставило его занеметь, усомнившись в суровой святости сего ночного моления. Треугольник, в центре которого лежал молящийся, был красным. Таким же кошмарно красным, как и на адовых фресках у двери!

Цепенея, Машин отец подошел к крестообразному телу, утопающему в мокрой и густеющей крови. И понял: молящийся с заголившимися ногами – женщина, в темной и короткой джинсовой юбке.

Ее плотно сдвинутые ноги щерились двумя казавшимися до боли неуместными здесь малиновыми каблуками. Пышные темные волосы обрамляли бледную щеку и застывший, заострившийся профиль.

Она была молода, ужасно, нестерпимо молода и, наверное, красива, и невыносимость этого факта состояла в том, что она была столь же ужасно и нестерпимо мертва.

– Что у вас тут происходит? – грубо и угрожающе ударил его под дых внезапный голос, заставивший Сергеича вздрогнуть и посмотреть на дверь.

Но вместо косолапого, с засыпанным землей телом гоголевского Вия с железным лицом и запертыми веками, там стояло три хмурых и нахохлившихся милиционера, вызванных на «злостное хулиганство».

– Что ЭТО такое? – повторил вопрос первый.

– О боже, ни хуя себе! В церкви! – сказал другой.

А потом ночь пошла под откос. Люди все прибывали и прибывали: фотографы, судебные медики, эксперты-криминалисты. Их стало слишком много, и среди них мелькнуло какое-то припухшее и обеспокоенное начальственное лицо. А рядом с ним второе – злое, не выспавшееся и угрожающе-усатое.

И Владимир Сергеевич Ковалев, отстраненный от аварийных работ ради свидетельских показаний, сознавал: дело не в убийстве молодой девушки – дело в церкви.

- Жертвоприношение в храме. Этого только не хватало!
- Сам начальник РОВД. И с ОРБ даже прибежали...
- Имя, отчество, фамилия, год рождения...
- ...от потери крови. Долго мучалась, бедная.
- Как вы вошли? Дверь была открыта?
- Замок не взломан. У кого-то был ключ.
- Диггеры? Значит, вы утверждаете...
- В церкви. Вот отморозки! Креста на них нету!
- Подождите еще, следователь хочет с вами переговорить.
- Студентка педагогического университета?

Эти-то четкие вопросительные слова и вывели «свидетеля обнаружившего» из сумрачной и мрачной апатии, навалившейся и накрывшей его тяжелым кожухом. И хотя, в отличие от множества других, вопрос этот адресовался не ему, – произнеся это, высокий и недовольный человек со слишком большими для мужчины глазами на некрасивом и маленьком лице перевел нанизывающий на острие взгляд на Владимира

Сергеича так, словно мысленно наколол его на штырь, как товарный чек.

– Он? – спросил слишком большеглазый тоже не его, а другого – худого в штатском. Худой кивнул, и недовольный деловито направился к Сергеичу, ссутулившемуся на стуле у письменного стола, где под стеклом лежали аккуратно разложенные открытки с изображениями Кирилловской церкви внутри и снаружи.

Подошедший привычно уместился за столом, мельком сощурившись на поучающую стенопись, где худой, как обтянутый коричневой кожей скелет, черт со срезанной ногой, тянул палец к полуголому, полузакатившему глаза индифферентному праведнику, грозящему тому учительским перстом...

– Следователь прокуратуры Владимир Бойко, – не слишком бойко, скорее замедленно-сурово представился он тезке, словно уныло подсчитывал в уме, как скоро черт поймет, что зло нельзя остановить гордым пальцем, а праведник, запаниковав, примется звонить в милицию. – Вы первый обнаружили...

– Я. Она студентка педагогического, эта девушка? – нервно перебил его Владимир Сергеич.

– Вы знаете ее? – насторожился следователь.

– Нет. Но у меня дочь там учится. На четвертом курсе. На историка!

– На четвертом курсе исторического? – в слишком боль-

ших глазах мужчины зажегся опасный интерес. – В таком случае, возможно, вы знаете Риту Боец? Судя по всему, она однокурсница вашей дочери.

– Чего это вы так решили? – тревога Сергеича нарастала.

– Мы нашли ее сумку. В ней был студенческий билет и зачетка.

– О боже! – похолодело внутри. – Боже милостивый! Нет!

Смерть, и без того ужасная и безбожная, оказалась близкой, пробежавшей совсем рядом от самого дорого на земле существа – его Мурзика, Маши! Маши, убежавшей сегодня ночью вдруг – неведомо куда.

– Это диггеры! – порывисто наклонился Сергеич, протягивая к тезке руку, как будто намереваясь схватить того за рукав. – Я вашим говорил. Две ночи подряд, в этом самом месте. И Кирилловские открыты! А про эти пещеры сами знаете, что болтают...

– Что именно? – живо уточнил следователь.

– Да чего только не придумывают! Что нечисто там. И соваться туда нельзя, потому что они будто прямиком в ад ведут. В Киеве ж под землей пещер много, и про каждую своя байка есть. Про эту – такая.

– Это не байка, – свел брови следователь Бойко, глядя на Сергеича в упор казавшимися нереальными глазами. – Для кого-то это отнюдь не байка. Какой-то сумасшедший верит в нее так сильно, что убивает людей. Это ритуальное жертвоприношение. Они – не диггеры, а сатанисты... Ваша дочь

знала о роде ваших занятий? – спросил он резко.

И Владимир Сергеич угадал: тезка уже подозревает его Машу, а заодно и его самого. Но, тем не менее, не почувствовал отторжения. Суровая клинопись складок на лбу Владимира Бойко, требовательные и упрямые узкие губы и напряженный поиск в слишком больших его глазах убеждали: тот – нормальный мужик. Серьезный. И не подлый, видно.

– Об аварии. Да нет, откуда? То есть утром знала, конечно, – ответил Владимир Сергеич честно. – А ночью... Да я и не должен был здесь быть, у меня выходной. Просто попросил, чтобы если что, ребята мне позвонили.

– Так-так, – кивнул Бойко, видимо, уже уведомленный о содержании показаний Сергеичевых коллег. – Но что, собственно, заставило вас предположить, что авария может произойти второй раз?

– Да то, что я сердцем чувствую, не так что-то! – вскричал Сергеич. – Не так что-то с трубами! Не могло новые трубы без причины все разом прорвать! Мы еще утром с Колей, другом моим, толковали, что надо в милицию сообщить.

– Вы считаете, кто-то повредил их намеренно?

– Не похоже, – сморщился Владимир Сергеич. – Следов топора или чего-то такого нету. Только странно это, и от этого еще страннее!

– Более чем странно, – подтвердил его собеседник неприязненно и многозначительно. И если неприязнь явно относилась к самой «более чем странной» ситуации, многозначи-

тельность, безусловно, адресовалась «свидетелю обнаружившему» и «чувствовавшему сердцем». – А ваша дочь, – вновь перевел он разговор на Машу, – никогда не упоминала кого-то с инициалами М. К.?

– М. К.? – обеспокоенно переспросил Машин отец. – Знакомые буквы-то... Они у нас по дому на всех бумажках наклеены. Вы же знаете молодых девчат: влюбятся, и давай сердечки с инициалами рисовать. Только Маша моя тут ни при чем! – с нажимом объяснил Владимир. – Если вы клоните, что она как-то в этом страхе замешана...

– Нет, нет, – качнул головой тезка. – Я вполне могу допустить, что это лишь случайное совпадение. Но вы не поверите, если я расскажу вам, сколько раз за мою многолетнюю практику именно случайнейшее и нелепейшее совпадение помогало раскрытию преступления... Или, напротив, стоило людям жизни. И мне очень не хотелось бы, чтобы на этом самом месте, – показал он туда, где, заслоненный от них стеной, лежал накрытый простыней труп молодой и красивой девушки, которая уже никогда не станет старой, – завтра оказалась ваша дочь.

– Да откуда вы вообще это М. К. взяли?! – рассердился Машин отец, покоробленный его убийственным предположением.

– Кто-то зазвал ее сюда. Запиской, – сурово отчеканил тот. – Она была подписана инициалами...

– Понял. Его фамилия Красавицкий, – решительно объ-

явил Владимир Ковалев. — Имя не помню. Маша мне как-то призналась, втайне от матери. Только ничего у ней с ним нет! Одни охи да ахи. А он даже ее не замечает. Моя дочь... В общем, она не из тех, кто парням нравится. К сожалению.

— В данном случае, это может быть и к счастью, — сказал следователь.

И прикусив узкую и бледную губу, хмуро поглядел нерезальными глазами на полустертого ангела Апокалипсиса, сворачивающего небо в свиток на стене над ними.

* * *

Уже в пять утра невсыпущее июльское небо начало довольно розоветь, и через полчаса свет прополз под ресницы Кате, вторгшись в темноту ее сна, и, поморщившись, она недовольно открыла глаза.

Она всегда просыпалась сразу, не тратя ни мига на то, чтобы отделить сны от яви, вспомнить, кто она такая, чего хочет, что было вчера и предстоит ей сегодня. И сейчас сразу же осознала катастрофу: она бросила нужного, власть имущего человека в разгар уже объявленного полового акта, и единственное оправдание, которое может показаться ему убедительным, — справка о том, что несостоявшаяся любовница внезапно сошла с ума.

Было гадко.

Затылок нудновато выл, но главная боль засела в правом

виске, свила там пухлое гнездо и ворошилась в нем, причиняя Кате мучительные страдания. Что-то непривычное в районе шеи и спины ужасно раздражало и действовало ей на нервы, но в контексте общей нелицеприятной ситуации значения это не имело.

По левую руку от нее, плотно прижав к себе согнутые ноги и обреченно утопив голову в коленях, сидела кучеряво-рыжая девушка в ушастых тапочках.

Маша пробудилась раньше всех и тут же получила умопомрачительный шок, мигом превратившийся в тупое, парализующее отчаяние.

Она – в центре Киева!

В домашних тапках и красной в горошек пижаме, сшитой мамой из ситца, купленного на занавески еще во времена Машиного детства и, «чтоб не пропадало добро», хозяйственно пущенного в дело!

И хотя мать наверняка уже обзвонила все больницы и морги, доведя и себя и папу до предынфарктного состояния, даже ради спасения их обоих она не способна заставить себя пробежать в позорной пижаме через Город.

Киев просыпался...

Свернувшись в клубочек, Чуб с умиротворенным выражением лица спала на траве под одной из голубых елок, посаженных у входа в музей. Ей, в отличие от сестер по несчастью, не раз приходилось ночевать под открытым небом. На пляжном шезлонге в Коктебеле, на песке Казантипа и даже в

Киевском ботаническом саду под кустом сирени, где она однажды с удивлением обнаружила саму себя после запойной любовной ночи. А неподалеку от Дашиной вытянутой руки лежала старая, неправдоподобно толстая и невероятно увесистая на вид книга в переплете из потертой кожи, оканчивающимся двумя фигурными застёжками.

На ней черным стражем сидел большой важный ворон, терпеливо держа в клюве узкий длинный конверт из матово-черной бумаги.

Увидав, что Катя смотрит на него, ворон быстро сделал шаг вперед, протягивая ей письмо. Помедлив, Катя неуверенно взяла у него загадочное послание, и птица тут же взвилась ввысь, каркая громко и значительно.

Рыже-кучерявая подняла глаза на звук и слабо проговорила:

– Здравствуйте.

Катя не отреагировала: рыжая была слишком незначительным нюансом происходящего. А происходящее Кате чертовски не нравилось. Ее сознание, как всегда бесстрастное и логичное, словно заключили в ватный шар бреда. Ее изнуряюще знобило, и боль продавливала висок. Стараясь держать голову неподвижно, Катя, приподнявшись, потянулась к книге и пододвинула ее к себе. На обложке не было названия. Книжка, похоже, была очень-очень старой. Но Катя, считавшая себя знатоком ретрораритетов, плохо разбиралась в антикварных книгах – их она никогда не покупала.

Обиженно нахололив пухлые губы, Даша проснулась с недовольным стоном и мутно, с сомнением посмотрела на обеих.

– А где это мы? – спросила она вареным голосом, в котором, однако, напрочь отсутствовало удивление.

Страдальчески морщась вправо, Катя решительно поднялась на ноги, прижимая тяжелую книгу к животу. Застежки сразу же расстегнулись, тихо звякнув. Голова загудела, и на секунду Катя почувствовала острую, мерзостную ненависть к своему оказавшемуся слишком слабым телу.

«Домой, – жестко приказала она ему. – Там разберусь».

– Который час? – проворчала Даша.

Случившееся понемногу воскресало в ее памяти.

– Что здесь вчера было? Я одна это видела или как? – недоуменно спросила она. – А отчего мы повырубались?

– Нам на голову упала книга, – с готовностью ответила Маша Ковалева тоном отличницы, которая всегда все помнит и всегда все знает. В ее словах прозвучало облегчение: спокойно-бурчливая реакция Даши почему-то успокоила ее, и безнадежность в душе осела.

– Вот эта? – Даша с любопытством уставилась на Катин живот. – Ого, какая громадная! Такой и насмерть прибить можно.

Катя прислушалась: кажется, на Большой Житомирской уже ворушились первые машины. Даша встала и проворно подскочила к ней.

– Дай посмотреть... – Она бесцеремонно ухватила за край книги и потянула ее на себя.

Вмиг осатанев от подобной фамильярности, Катя, неприязненно извернувшись, вырвала раритет из наглых пальцев и пошла прочь: размалеванное «малое хамло» с придурошной серьгой в носу раздражало ее каждым своим жестом. Но не успела она сделать и шага, как «хамло» снова вцепилось в переплет и порывисто дернуло на себя и книгу, и саму Катю.

– Ты че! Она – общая! – хриплым спросонья голосом заорало оно.

– Пусти, – злобно процедила Катерина, и висок ее свинцово взвыл от боли.

– Да за кого ты себя мнишь, сука?! – возмущенно вскрикнула Даша, в секунду припомнив той все прошлые обиды.

Их лица яростно выпятились друг на друга, девушки тяжело затанцевали на месте, перетягивая книгу рывками, как канат, каждая в свою сторону. Книга, слишком толстая, чтобы можно было вобрать ее в ладонь, открыла «рот», и, неловко ухватившись за ее страницы, Даша вырвала одну из них с корнем.

– Дура! – побледнев от злости, Катя ловко подхватила падающий том и вдруг нанесла Даше молниеносный и презрительный удар – не слишком удачный и смазанный, но вполне ощутимый.

Даша мягко завалилась на зад.

Катя побежала.

Мячом подскочив с земли, побежденная бросилась вслед за ней, швыряя ей в спину громогласные ругательства.

Маша, оглушенная этой внезапной дракой, боязливо поднялась и, то и дело поглядывая вслед убежавшей блондинке, подошла к своему велосипеду. Он имел жалкий вид: от столкновения со ступеньками музея одно колесо отлетело прочь, другое согнулось неоконченной восьмеркой.

«Мама убьет», – аморфно подумала Маша. Куда больше ее занимал сейчас вопрос: как велосипед попал сюда? Может, кто-то привез ее на гору? Она снова с надеждой посмотрела на юго-запад, молясь про себя, чтобы бойкая блондинка не сумела догнать красивую, вредную брюнетку и поскорее вернулась обратно. В ее присутствии Маша чувствовала себя куда увереннее. Наверно, потому, что раз та уже помогла ей, не бросив ее одну в «Центрф Старокієвського колдовства» у чужого бездыханного тела.

Машины молитвы были услышаны. Из-за угла дома появилась взъерошенная, разругавшаяся Даша. Она шла, излучая вокруг электрические заряды гнева, и, остановившись, разъяренно топнула ногой. Затем в отчаянии подскочила к своему мопеду и дробно заколошматила себя кулаками по голове.

– Ну дура я! Дура! – обиженно завопила она. – Че я за ней пешком погналась? Представляешь, эта сука тормознула тачку на перекрестке! Я чуть-чуть, совсем чуть-чуть не успела! Водитель охренел от дамы в белье, и как рванет...

Ну я тебя еще достану! – Ее кулаки оставили в покое голову и взметнулись вверх в Катин адрес. – Чувствую себя полной идиоткой, – недовольно резюмировала она. – Впрочем, – неожиданно засмеялась Даша. – Нельзя сказать, что это такое уж дискомфортное чувство. Я часто себя ею чувствую, уже привыкла. А ты вообще кто?

– Маша.

– А круто ты вчера в ступеньки въехала, Маша! Кто же с зажмуренными глазами на велике ездит, а, дурында?

– Я приехала на велосипеде? – не поверила ей полуночная велосипедистка.

– Значит, ты тоже видела эту херню? – проигнорировала ее вопрос блондинка. – И тетку в огне? Вот тут?! – ударила она ботинком по бетонной плите. – Ты помнишь, че она нам сказала?

– Что мы умрем прежде, чем рябая станет любой, а боль сгорит в огне, ибо наше спасение лежит там, куда нам нет возврата, – дотошно отчиталась Ковалева.

– Рябая – любой? В смысле, такой, как все?

– Нет, не любой, а любой. То есть любимой.

– Тогда мы умрем еще не скоро, – оптимистично заключила Даша Чуб. – Кто же рябую полюбит? Разве что за деньги. Но это ведь не считается... – Она озадаченно почесала короткий нос. – И с работы меня поперли. А я ведь там и жила, и питалась, с тех пор как с матерью поругалась, – добавила она, размышляя. – Вот туда мне точно нет возврата.

Ладно, куда тебя отвезти?

– На Соломенку. Если можно, – тревожно сообщила ей Маша. – Я бы и сама, только я – вот... – Она сконфуженно ухватилась за край пижамы и смяла его в руках.

– А че, прикольная пижама, тебе идет! Не комплексуй. Кто знает, может, сейчас так модно? Ладно, дите, держи... – Чуб, не раздумывая, сняла с себя блестящий пиджак, казавшийся катастрофически нелепым в свете раннего, едва отпраздновавшего шесть часов от роду дня, и добродушно протянула его Маше.

И хотя последняя сочла, что этот цирковой наряд еще страшнее ее гороха и в комплекте они как раз представляли идеальную клоунскую пару, отказаться Маша постеснялась, боясь оскорбить дружелюбную блондинку в лучших чувствах.

– А велосипед? – сиротливо спросила она, понимая, что уже искушает ее терпение.

– Ну, велик, прости, я на веревочке не поташу. Давай в кусты его спрячем, там, в яме. Потом заберешь... – Даша нагнулась, чтобы помочь Маше перетащить обломки, и вскользь похвалила: – А ты вчера завивку сделала? Тебе классно!

Ковалева недоуменно дотронулась до своих волос. И обнаружила, вздрогнув, что ее и без того одуревшая голова разбухла от взбитых и непокорных кудрей, строптиво вырывающихся на волю из растрепанной косички, которая еще вче-

ра была маленькой и куцей, а теперь радостно вилась до середины спины.

* * *

«Грач», которого Катя так удачно поймала на перекрестке Владимирской и Большой Житомирской, поднялся с ней в квартиру и, к своему глубокому удивлению, получил от «проститутки в драных чулках» обещанную и более чем щедрую награду.

– Может... – запнулся он, муторно глядя на нее.

«Проститутка» была невероятно красивой! Красивой до рези в глазах! – именно это и заставило его потрясенно затормозить машину, разом позабыв про все дела и правила безопасности и гигиены.

– Даже не думай об этом! – жестоко обломала его Катя и захлопнула дверь.

Ее бил озноб. А под коробкой лба было удушливо-жарко, как в кухне, переполненной тяжелым газом. Арка, отделяющая прихожую от гостиной, обрамляла печальную картину – следы вчерашней романтической прелюдии. И сейчас Кате нужно было заново приступать к решению вопроса, который она собственными руками сделала практически неразрешимым: лысый боров, еще недавно готовый есть из ее рук, наверняка воспользуется первой представившейся ему возможностью, чтобы отплатить ей за постыдное унижение.

Однако с утра на горизонте обнаружилась новая проблема – не менее, а, возможно, и более опасная...

Вздохнув, Катя устало прислонила несчастную больную голову к косяку двери. Часы с золотой галантной пастушкой показывали двадцать три минуты седьмого. Пора собираться. В восемь Катя всегда была на работе. Дома ей не сиделось и не ленилось, хоть она и любила свою квартиру – такую льстивую, дорогую и идеально просчитанную по стилю, гордясь своими неженскими креслами и диваном; и паркетом красного дерева, контрабандой вывезенным из ветхого особняка на Липках; и механизмом часов на маленькой ладошке пастушки-маркизы, которые шли уже три столетия, не оступившись ни на минуту. Но любила она ее именно как идеал – совсем не той уютной, теплой и безотчетной любовью, которую вызывают у обывателей их удобные кресла-норы, растоптанные тапочки и заботливые, ласковые пледы.

«Почему я ударила Василия Федоровича и помчалась туда? Что там было? Я видела это или?..» – не позволила себе разнюниться она.

Катя неприязненно посмотрела на отвоеванную книгу и письмо, мимоходом брошенные ею на столик под зеркалом в коридоре. Разгадка или хотя бы наводка на разгадку должна отыскаться именно в них!

Из рта книжки высовывался треугольным языком листок, вырванный во время драки с хамской блондинкой, и, машинально потянув страницу 104 за помеченный цифрами

уголок, Катя поднесла ее к глазам.

«Властью моей руки...» – бегло прочитала она.

И обмерла, задохнувшись от бреда.

Ее пальцы, сжимавшие листок, оканчивались неприлично длинными, выгнутыми дугой ногтями! Этого не могло быть! Не могло! И отпихнув взглядом эту чужую, непонятную руку, Катя стремительно вцепилась в зеркало и закричала.

Женщина, глядевшая на нее из зеркального стекла, не была Катей. У нее были сумасшедшие глаза и сломанные обзевшие губы. А по серым щекам стекали ниже плеч ровные иссиня-черные волосы.

– О-о-о-о-о-о-о-о-о... Нет! Нет! – завизжала женщина.

А Дображанская, выронив книжный лист, безжалостно взорвала ногтями черный конверт – единственное место в мире, где могло прятаться Объяснение!

Ясные Киевщицы, –

не без труда разобрала она чудной архаический почерк, с витиеватыми росчерками и завитушками,

– имею честь пригласить вас в ночь с 6 на 7 июля на большой шабаш в вашу честь на первой Горе Киева.

Увы, состоится ли это торжество, зависит только от вас. А la guerre comme a la guerre⁵. И, к несчастью, на сто вопросов я не могу дать вам сейчас ни одного ответа.

Но ничто не в силах запретить мне предложить

⁵ На войне, как на войне (франц.).

вам прогулку на исходе заката на второй Горе Города. Приходите и не бойтесь, Василий не причинит вам зла! Он поможет. Прочие объяснения вы получите в башне первого дома на Ярославовом Валу, если будете вежливы с Ним.

К. Д.

На дне конверта оставалось еще что-то, и лихорадочно встряхнув его, Катя выронила на пол три старых больших ключа, головки которых изображали ушастые кошачьи морды. И застыла, таращась на них пустым, остановившимся взглядом.

Глава шестая, из которой мы узнаем, что главной особенностью ведьмы является хвост

Ведьма, во первых, имѣть хвост: это главный признакъ, по которому она узнается... Случалось поймать иную вѣдьму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдьма, а самозванка. «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссіян»

Не успела Маша вставить ключ в замок, как услышала беспокойные мамины шаги, грозово устремившиеся в направлении входной двери.

– Ой, что я маме скажу?! – горестно проплакала она.

– Чтоб это была твоя самая большая проблема! – беспроblemно отозвалась Даша, не в силах оторвать взгляд от своих новых двухсантиметровых когтей.

Ее кровные ногти вечно ломались и еще ни разу не достигали сей вожденной длины. Белые косички, отросшие за ночь ровно вдвое, тоже скорее обрадовали, чем напугали безработную певицу. (Конечно, Чуб понимала: это чертовски странный феномен. Но все равно не могла удивляться

ему раньше, чем выпьет две чашки кофе.)

Маша безуспешно попыталась пригласить анархию на своей голове и, боязливо надавив на шар дверной ручки, тут же спрятала руки за спину, хотя ее ногти удлинились почему-то совсем чуть-чуть – не больше чем на три-четыре миллиметра.

Как и следовало ожидать, мать уже стояла на пороге, заранее открыв рот, в недрах которого бурлили сто пятьдесят вопросов. Но при виде Маши в сверкающем лоскутном пиджаке с перманентом Аллы Пугачевой все они разом застряли у нее в гортани.

– Вы кто? – агрессивно сощурилась женщина, нервно роюсь в кармане халата в поисках очков.

– Это я, мамочка, – пискнула Маша.

– Ты?! Боже мой, доча, что с тобой сделали?

– Э-э-э...

– А хорошо ей, правда? – бодро встряла Чуб. – Это моя парикмахерша ее закрутила. Бесплатно! – со значением говорила она, опытным взглядом конференсье определив: для подобной тетки «бесплатно», должно быть, – очень серьезный аргумент.

– Ну, если бесплатно...

Мать перевела растерянный взгляд на Землепотрясую Дашу, с ужасом взирая на ее расплывшийся за ночь сценический грим и сверкающий стражом нос. Ей явно хотелось спросить: «А это кто такая?», но она мужественно сдержала

лась, хоть Маша и подозревала: выдержки ее хватит ненадолго. Исповедуемая матерью религия гостеприимства еще ни разу не проходила испытания на выносливость. Родители любили принимать гостей, но это были их званые и «жданые» гости, в то время как Маша за всю свою двадцатидвухлетнюю биографию никогда не приводила в дом подруг, а тем паче таких.

— Где же вы были? — вспомнила мама главный вопрос минувшей ночи.

Маша жалобно поглядела на нее.

— На вечеринке, — молниеносно пришла ей на помощь Даша. — Знаете, так весело было! Только полчаса назад разошлись.

— В пижаме? — уточнила мать поражение.

— Ах, это... — заулыбалась Даша. — Представляете, Машка на спор приехала туда в пижаме. Мы все думали, что она проспорит, а она — вот!

— По городу? На велосипеде? — только и смогла сказать мать, бессильно пытаясь представить свою тютю-дочь в роли азартной спорщицы.

— Да тут недалеко... — Даша бездумно махнула рукой куда-то вправо.

— И что же ты не позвонила? — сделала мать последнюю попытку разобраться в происходящем.

— Ой, — закачала головой Даша Чуб. — Вы не представляете, как она переживала! Она же не знала, что у хозяев те-

лефон за неуплату отключили. А я, как назло, свой мобильный на работе забыла, – сокрушилась она, незаметно лягая Машу ногой.

– Мама, познакомься. Это... – припоздало попыталась представить свою говорливую спутницу та и осеклась, вспомнив, что тупо забыла спросить у блондинки имя.

– Я Даша. Даша Чуб, – излишне радостно провозгласила Даша. – Окончила музыкальное училище имени Глиэра. Я – эстрадная певица!

– Да? – Мама совершенно стушеввалась.

– А это моя мама, Анна Николаевна, – завершила церемонию представления дочка и, воспользовавшись общим замешательством, вежливо подтолкнула новоявленную подругу: – Туда, Даша, прямо и направо.

Отконвоировав выпускницу Глиэра до персональной комнаты, Маша по-солдатски быстро переоделась за дверью шкафа. И сменив пижаму на мешковатые джинсы и папину рубашку, ужом проскользнула на кухню за жизненно важным кофеином.

Ей повезло: чайник только-только вскипел, и это существенно сократило срок незамедлительно учиненного ей повторного допроса – с пристрастием.

– Кто эта девушка? – громко поинтересовалась мать, так, чтобы ее вопрос долетел до дочерниной спальни, где сидела эта... Эта!!! (Со вторым словом мама пока не определилась.)

– Моя знакомая. – Маша торопливо достала чашки, щед-

ро сыпанула на доньшки растворимых кофейных гранул и залила их кипятком.

— И давно ты ее знаешь?

— Не очень. — Знакомство сроком меньше суток вполне подходило под это абстрактное определение.

Мать подошла к Маше вплотную, загородив собой сахарницу.

— А кто еще был на этой вечеринке? Много людей? — с нажимом спросила она.

— Не-а... — Маша сильно сомневалась, что ночь, которую она провалялась трупом у ступенек исторического музея, можно считать вечеринкой, а тем паче — «веселой».

— А мальчики там были? — заинтересовалась мама.

— Нет, — с облегчением ответила дочка, поскольку на этот раз говорила прямолинейную правду. — Только одни девочки!

Изогнувшись, она все же дотянулась до треснувшего фаянсового гриба с красно-горохастой шляпкой и, спешно бросив в темную жижу по две ложки, вспомнила, что Даша просила горький кофе.

— Это что, был девичник? — разочарованно уточнила мать. — Чем же вы там занимались? — В ее голосе прозвучало нехорошее подозрение. — И с чего, спрашивается, ты ее обедать нас привела? Это отцовский кофе! Ты на него ни копейки не заработала! Ты вообще иждивенка! Поняла?

Подхватив полные чашки, Маша испуганно открыла за-

дом дверь и молча ретировалась с поля боя, чтобы тут же попасть из огня да в полымя.

– Ну, ты даешь! – бурчливо встретила ее Даша Чуб. – Родителей совсем не воспитываешь! Нельзя их так распускать! Тебе ж не тринадцать лет, чтобы за каждую отлучку отчитываться. И выкручиваться совсем не умеешь... И косметика по нулям!

Она сидела на стуле у подоконника и, заглядывая в старое, поцарапанное зеркальце на металлической подставке, деловито стирала с себя остатки грима с помощью ваты и Машиной «Детского крема».

– Ты что, этой жирнятиной свой несчастный фейс мажешь? – возмущенно укорила ее она.

– Да.

– Как все запущенно! – Блондинка с гоголевской фамилией еще раз недовольно осмотрела свое лицо, где на левой скуле уже начал проступать обширный и обидный синяк, made in «эта сука», и переместилась на ковер возле Машиной постели, привычно сложив ноги по-турецки.

Поколебавшись, Маша последовала ее примеру и аккуратно поставила чашки на пол между ними. Даша с воодушевлением отхлебнула кофе.

– Прости, я сахар... – пробубнила Маша.

– Ничего, я и сладкий люблю. А друзья у тебя есть?

– Нет.

– Плохо, – сделала вывод Чуб. – Это все потому, что ты

такая настроенная и забитая. Хотя... – Задумчиво выпятила она нижнюю губу. – Знаешь, у меня тоже почему-то друг нет. Ну, так чтоб настоящих. Почему, интересно?

– Наверное, потому, – ответила Маша, словно бы заранее извиняясь за каждое свое слово, – что ты очень порывистая и внезапная. И веселая – для тебя жизнь – это как бы много-много игрушек. А друзья, они ждут, что другой друг будет относиться к их проблемам серьезно.

Даша замерла с чашкой у рта и вылупилась на нее, потрясенная и Машиным психологическим резюме, и тому, что та вообще заговорила столь длинно и членораздельно.

– Значит, я несерьезная? – обиженно сказала она.

– Нет, – поспешила утешить ее «психолог». – Ты просто очень-очень быстрая, и у тебя как бы нет времени остановиться и задуматься. Вот и с той женщиной ты сразу драться начала, а ведь можно было сказать...

– Что ж ты ей не сказала? – окрысилась Землепотрясная Даша Чуб.

Маша растерянно хлопнула глазами и сломалась.

– Ладно, проехали.

Смущенная столь легкой победой, Даша резко отставила пустую чашку и, чтобы занять свои неумные руки, подцепила с тумбочки у кровати какую-то обернутую газетой книгу.

– Насчет меня ты, наверно, в чем-то права... Только женщина та, поверь, сука и стервь, каких мало!

– Она красивая, – сказала Маша тихо.

– Ага, – неприязненно фыркнула Чуб. – Как тигр! Когда смотришь на него в клетке, думаешь: «Какой красавец». А когда нос к носу столкнешься, – уже только о том, заряжено ли у тебя ружье... О! А это у нас кто?

Маша оцепенела. На фотографии, которую Даша ненароком выудила из ее «Мастера и Маргариты», была заснята их группа. Маша стояла во втором ряду рядом с Миром и, хотя он обнимал другую девушку (ту, что слева), как-то в порыве романтических мечтаний обвела их лица – свое и Мира Красавицкого – красноречивым красным «сердечком».

– Это твой парень? – обрадовалась Даша, и лицо ее вмиг сложилось в игриво-понимающую физиономию.

– Не-ет, – промямлила Маша, отчаянно пряча глаза. – Просто одноклассник.

– М-да, – блондинка потухла. – А ты вообще встречаешься с кем-то? Что, вообще ни с кем? Может, ты еще того... Девственница? Неужели девственница?! – испуганно вскричала Чуб. – Ты че? Это ж ужасно вредно! В твоём возрасте нужно все время спать с мужчинами, иначе...

Маша посмотрела на нее так, будто та внезапно сунула руку ей под юбку с целью жестокого изнасилования.

– Ладно, – застыдилась Землепотрясная. – Скажи мне лучше вот что, Маруся: зачем ты вчера ночью к музею при- тащи- лась?

– Не знаю, – ответила Маша искренне (у нее еще не было времени подумать об этом). – Я ведь тут на кровати уснула,

а пришла в себя уже там, – расторопно объяснила она, обрадовавшись перемене темы.

– Ясненько, – проговорила певица, хотя абсолютно ничего ясного в этом как раз и не было. – А я в клубе со сцены сорвалась и помчалась, будто меня тащили... И чего ты обо всем этом думаешь? Есть какие-то версии? – с сомнением поинтересовалась она.

Маша усиленно закивала в ответ и поставила нетронутую чашку на тумбочку.

– Не будешь пить? – оживилась Даша, хватаясь за вторую порцию стимулятора.

Отказчица быстро мотнула головой.

– Я думаю... – начала она храбро.

И остановилась.

Она не знала, можно ли сказать хорошей блондинке ПРАВДУ?

Но, с другой стороны, разве имела она право не сказать ее ей!

– Я думаю, что та женщина в «Центрѣ колдовства» была ведьмой! – выговорила Маша дрожащим от волнения голосом и сжалась в ожидании ответа.

Блондинка печально глядела на нее из-за чашки.

– Ты что, на самом деле веришь в ведьм? – недоверчиво спросила она наконец и раздраженно почесала кончик носа. Ей не хотелось обижать эту девочку: несмотря на целый чемодан спрессованных комплексов, Маша казалась Даше

неплохой.

– Пойми, если ведьм нет, все, что случилось с нами, можно объяснить только массовым приступом сумасшествия! – убежденно провозгласила Маша.

– Тоже вариант, – радостно согласилась блондинка.

Как ни странно, именно Машина безапелляционность тотчас вдохновила ее на десяток побочных версий, которые раньше почему-то просто не приходили ей в голову!

– Только поверь мне, я могу отличить глюки от реал-тайм.

– Вот видишь!

– Нет, это ты смотри. – Даша самодовольно выставила вперед крепкую пухлую ладошку и, вскользь полюбовавшись своими восхитительными ногтями, демонстративно загнула большой палец. – Во-первых, тетка, которая вроде бы умерла у нас на глазах, могла быть обдолбанной или просто больной, или, что скорее всего, специально это представление разыграла. А я же не врач, пульс на шее могла и не прощупать. Верно?

– Нет, – опровергла Маша. – Она по потолкам ползала!

– Цирковой трюк! Может, там скобочки какие-нибудь незаметные были.

– А звуки?

– Магнитофон.

– А ветер?

– Ветродуй. У нас такой за кулисами стоит. А есть еще машины для дождя и снега.

– А то, что мы ночью на гору прибежали?

– Гипноз, – незамедлительно нашлась Даша, окончательно впадая в кураж спора. – Гипноз, между прочим, – научно доказанный факт! Ты когда-нибудь на сеансах Кашпировского была? А я была. Там люди штабелями падают. И эта тетка тоже могла быть Кашпировская. – Она довольно загнула указательный палец и помахала оставшимися тремя.

– А огонь, в котором она перед нами появилась, тоже можно объяснить? – спросила Маша уже более неуверенно.

– Легко! Это спецэффект! Ты когда-нибудь по телеку смотрела, как фильм снимается? Там люди тоже в огне бегут, вокруг все горит, взрывается. А на самом деле эти взрывы – вроде бенгальского огня, не страшные. – Даша гордо загнула безымянный палец. – Ну, что мы еще имеем?!

– Еще мы имеем книгу, которая упала прямо с неба!

– Ну, книгу мы, во-первых, уже не имеем – ее спиздила эта сука! А во-вторых, то есть уже в четвертых, о небе забудь. Ее кто-то сзади с лестницы музея бросил, когда мы на эту тетку таранились. Она нам на головы – бах, мы в отрубе, а он – в шоколаде. Копперфильд хренов! – Даша сделала красочный жест рукой теперь уже с одним презрительно торчащим мизинцем.

– Но у нас выросли ногти и волосы, – кисло напомнила Маша. Исключительно для проформы – она уже знала: ее продвинутая собеседница найдет объяснение и этому.

– Не обижайся, Маруся, – протянула Даша нежно, – но во

всем Киеве одна ты, наверное, еще не знаешь, что волосы и ногти можно нарастить. – Она молча покрутила многозначительным кулачком, на котором уже окончились пальцы.

– Правда? Как? – простодушно поразилась Маша.

– Долго объяснять. Кстати...

Даша снова подскочила к круглому зеркальцу и, наклонившись, попыталась высмотреть у себя на голове симптоматичную косичку, на которой держались нарощенные кудри. Хотя и представляла себе крайне смутно: какому придурку понадобилось расплестать и заплестать заново ее без малого сто кос, чтобы добавить туда лишние тридцать сантиметров?

Не найдя на своей макушке никаких признаков парикмахерского вмешательства, Чуб перескочила к Маше и бесцеремонно ощупала ее перманент.

– Странно, – озадаченно заключила она. – Но возможно, это какие-то новые технологии.

– Но зачем, – огорченно вскрикнула та, – зачем кому-то понадобилось делать все это?

– Вот это вопрос! – кивнула блондинка важно. – Но если мы не знаем на него ответа, это еще не значит, что его нет?

– Логично, – согласилась Ковалева, всегда преклонявшаяся перед логикой.

– Вот и давай рассуждать логично, – оживилась Даша. – Мы ввалились в тот кабинет втроем совершенно случайно. Значит, шоу было рассчитано на кого-то одного. Логично?

– Да, – повторила любимое слово Маша.

– Тогда на кого? Кому ты нужна, Маруся? И что с меня взять, кроме анализов? А та стерва – она ж богатая. «Вольво», шофер, брилики, белье на ней было очень недешевое. И по всему видно: не жена чья-то – сама в бизнесе. Может, кто-то заводик или там магазинчик у нее хочет оттяпать и для этого с ума ее сводит. Ты ж в этом деле не рубишь?

Маша вздохнула.

– Я тоже, – успокоила ее Даша. – Но сто процентов – это не наши, а ее проблемы. Точно! – подтвердила она, похоже, полностью успокоив себя своим аналитическим выводом.

Маша, напротив, готова была разрыдаться от столь реалистичного объяснения событий. Удивительное чудо, приключившееся с ней впервые в жизни, вдруг растаяло без следа...

– Ну-у-у, не расстраивайся, – сюсюкающе протянула добрая Даша, увидав поникшую макушку своей наперсницы по приключениям. – Ты что, и впрямь поверила, что мы ведьмами стали? А почему? Ну расскажи, – беспокойно затеребила она Машу за плечо. – Мне, правда, интересно! В конце концов, – окончательно сдалась она, жалостливо глядя на расстроенный Машин нос, – мы должны рассмотреть все версии.

– Я читала... – безнадежно хлопнула Маша.

– Что? – подбодрила ее Даша, изо всех сил изображая огромный интерес.

– Читала, что ведьма, умирая, не может унести свою силу с собой и будет корчиться в страшных муках до тех пор,

пока не передаст ее ученику. Если это... допустим... так... то все сразу сходится! Ведь когда мы зашли в кабинет, Кылына явно была при смерти. И у нее просто не было другого выхода. Да она и сама сказала: «Мне пришлось отдать свою власть вам!»

– И после этого мы все сразу стали ведьмами? И ты, и я, и эта сука! – уже с неподдельным интересом уточнила Даша Чуб.

Она еще раз оценила свои великолепные ногти и мечтательно выдохнула:

– А круто бы было! Жаль, что так не бывает! Ведьмы – это так, суеверия...

– Все народные суеверия, – покровительственно изрекла суеверная Маша, ободренная вниманием своей небольшой аудитории, – имеют реальную основу. Например, в сказках всех народов мира присутствует так называемый дракон или змей. Так вот, все это отголоски нашей древней памяти о динозаврах!

– Ладно, о'кей, – неожиданно согласилась Чуб, – предположим, что мы – ведьмы. Как узнать, правда это или нет? У ведьм есть какие-то особые приметы? Ты что-то еще про них знаешь?

Маша обрадованно ринулась к своему письменному столу.

– Вот у Чуба... Кстати, – подольстилась она, – не твой родственник?

– Дай-ка сюда! – нежданно разнервничалась Даша, выхватывая из Машиных рук хилую брошюрку, на обложке которой подбоченилась «жвавая» молодуха с щедрым монистом на груди. – Слушай, и впрямь мой, наверно. А. А. – Андрей Андреевич! Он у меня профессором был! Только умер давно. И книжек его в доме нет. Он папин папа, а родители сто лет как разбежались... Ну, привет, деда! Вот и свиделись, – растроганно поприветствовала она предка.

Вежливо почтив память Дашиного деда минутой молчания, Маша экспроприировала у нее издание и открыла на отмеченной закладкой главе.

– Главным признаком ведьмы, – с пафосом прочитала она, – является хвост!

– Че-че?

– Небольшой телесный отросток сзади.

– А-а... – Чуб непроизвольно потрогала себя ниже спины.

И вдруг, встрепенувшись, начала нервно ощупывать свою попу.

– Машка, будь другом, посмотри, – припадочно заорала она, – что у меня там в трусах телепается? Мама, только не это! Хвост я уже не переживу...

Просветительница неотложно подползла к ней и, конфузливо приспустив Дашины трусы, старательно оглядела розовую, округлую и услужливо выпяченную часть тела.

– Это прыщик, – с облегчением сказала она, покраснев, как Херсонский помидор, от этой непривычной интимной

процедуры. – Простудный, наверное. Мы ведь на земле спали...

* * *

Отлипнув от замочной скважины, Машина мать горделиво зашагала по коридору, ни секунды не сомневаясь в том, что она и не думала подглядывать – просто проходила мимо и инстинктивно отреагировала на подозрительно громкий крик.

Влетев в кухню, Анна Николаевна возбужденно затопталась на месте. Муж вернулся с вызова в пять утра и был усталым и хмурым. Он встал десять минут назад, хрипло спросил: «Маша дома?», «Где была?», «С одноклассниками?» и, получив в ответ: «Да», «Говорит, на вечеринке», «Нет», пресек ее дальнейшие излияния о надетой на спор пижаме и без вести пропавшем велосипеде нервным: «Да помолчь ты, Христа ради!» И теперь мрачно и молча смотрел на экран черно-белого телевизора, ожидая выпуска новостей и безучастно прихлебывая свой кофе из персональной чашки с надписью «Володя». Глотал и снова напряженно сжимал зубы, как будто во рту у него лежала какая-то вязкая тяжелая злоба, которую он никак не мог запить.

Мать знала: в таком настроении его лучше не трогать. Но...

– Нет, ты должен меня послушать! – внезапно затарахте-

ла она, с ходу компенсируя себе десять минут унижительного терпения. – Она твоя дочь! А ты знаешь, кого она в дом привела? Проститутки кусок! Патлы, как у папуаски! Серьга в носу! А вместо майки – лифчик! И еще говорит мне: «Я – певица!» – визгливо-противно передразнила она Дашу Чуб. – А Маша с ней заявила такая, что не узнать. Вся в кудрях и одета черти во что. А на вечеринке той одни девочки были! Я сразу не поняла... А оказывается, вот оно что! – Мать понизила голос до панического шепота. – Машка-то наша – лесбиянка! Ты слышишь, отец? Вот чего у нее мужиков не было. А как сняли венец безбрачия, сразу и поперло... Господи, что ж это делается, а? Может, обратно его надеть?

– Уйди от меня, Аня, – отмахнулся Владимир Сергеич. – Что ты несешь? Слушать противно.

– Я знаю, что говорю! – оскорбленно взвизгнула мать. – Ты знаешь, чем они там, в ее комнате, занимаются? Друг другу под юбки в трусы заглядывают!

– Опять шпионила! – разозлился Сергеич. – Да отстань ты, наконец, от девки! Всю жизнь ее мордуешь. Школу с медалью окончила, в аспирантуру идет, – а тебе все не так.

– Конечно, – заныла мама. – Она твоя любимица. А ты спроси у нее лучше, куда она велосипед дела? Небось, эта проשמандовка ее и подговорила вещи из дома выносить.

– Да замолчишь ты, в конце концов, или нет? – Отец громко хлопнул ладонью по столу и угрожающе поднялся во весь рост. – Веди ее сюда! Я сам с ней поговорю! Все равно надо...

Он не окончил предложения. И Анна Николаевна взыскательно посмотрела на него, пытаясь определить, какой именно из ее аргументов таки возымел на него нужное действие.

– Ты ж только не очень, – неуверенно сказала на всякий случай она. – Ремнем-то не надо.

Владимир Сергеич страдальчески поморщился.

Старший сын Дмитрий и впрямь получал от него порой на орехи, но Машу он за всю свою жизнь не тронул и пальцем. Добрый, послушный, старательный ребенок – такую только к ране прикладывать.

– Оставь нас, – категорически гаркнул он, когда несколько минут спустя жена привела к нему растерянную дочь. Та испуганно моргала: каким бы коротким ни был их хрущевский коридор, по дороге сюда мать успела застращать ее отцовским гневом.

– Послушай, – сделав супруге предостерегающий жест рукой, отец взял Машу за сутулое предплечье и повел на балкон – подальше от вездесущих материнских ушей. – Ты, Мурзик, на мать не сильно реагируй. Знаешь, какая она у нас: сам пью, сам гуляю, сам стелю, сам лягаю. Сама придукает – сама испугается. А ты уже взрослая, тебе нужно и погулять и повеселиться. Я в молодости сам раз на спор с моста на Труханов остров прыгнул... Представляешь? – Владимир Сергеевич говорил об этом быстро и комканно, как о чем-то неважном и несерьезном. И вдруг спросил: – А скажи мне, Мурзик, ты с другими студентами дружишь?

– Нет, – отрицательно покачала головой дочь, дивясь такому детскому вопросу.

– Совсем?

– Нет, ни с кем не дружу, – подтвердила она.

– А эти девочки, с которыми ты вчера, они кто?

– Даша – певица, в ночном клубе поет. А вторая... – Маша припомнила Дашину характеристику красивой брюнетки. – Она бизнесом занимается. И не совсем девочка – ей уже лет тридцать, наверно.

– Ну что, хорошая компания, – одобрил папа, и в его выводе послышалось непонятное облегчение. Он улыбнулся неудачно и неубедительно и заговорил снова, и стало видно, что теперь слова даются ему с огромным трудом: – А ты никогда не слышала, доча, чтобы у вас в группе или в институте кто-то говорил про диггеров? Ну, тех, которые по подземным пещерам лазят.

– Нет, никогда, – тщетно попыталась припомнить та.

– А Маргариту Боец ты знаешь?

– Конечно, она же со мной в одной группе учится. А разве Рита по пещерам? – Исходя из того немногого, что Маша знала о красавице Рите, ту интересовали лишь остроугольные повороты моды, богатые поклонники и ночные клубы. Представить себе, как Маргарита Боец в своих кокетливых, украшенных манерными малиновыми цветами босоножках спускается в какую-то загаженную киевскую пещеру, Маша не могла. – Да вряд ли, – недоверчиво тряхнула она обретен-

ными кудрями.

– А ты с ней близко была знакома, Мурзик?

Отец пронизывающе посмотрел на дочь, как будто не верил ей или не решался сказать нечто важное, не рассчитанное на детей старшего студенческого возраста.

– Нет, мы даже ни разу не разговаривали, – стыдливо призналась Маша. – А что?

– Ладно, Мурзик, ты все равно узнаешь, – безрадостно вздохнул папа. – Сегодня ночью мы нашли твою одноклассницу в Кирилловской церкви. Мертвой. И сумку ее со студенческим билетом нашли, по нему и опознали.

– Как? – вырвалось у Ковалевой. – Риту?

– Убили ее, – мрачно сказал отец. – Эти самые диггеры-сатанисты и убили. У-у, попадутся они мне еще, сволочи! Убью гадов! – Он с ненавистью ударил кулаком по перилам балкона, болезненно вздрогнувшими под его тяжелой рукой. – И запомни, доча, если ты что в институте про них услышишь, сразу мне говори! А если кто, например Красавицкий твой, тебя позовет по подземным ходам разгуливать, – тем более. Поняла?! Никогда, ни за что в Кирилловку ни ногой!

И тут Машино лицо само собой свернулось и заревело.

Она плохо знала Риту, и та никогда не нравилась ей – но она знала ее живой. Смерть до сих пор милосердно обминала Машу – все ее родственники, включая обеих бабушек, были, слава богу, живы и здоровы. И сейчас, издерганная и возбужденная стрессами приятными и не очень, осовевшая от

полуночных бдений под черным небом, прибитая Дашиным непререкаемым заявлением «раз хвоста нет, значит, прости, мы не ведьмы», на которое она, спасовав, не нашлась что ответить, – Маша оказалась совершенно беззащитной перед ней. И заплакала в голос, мусоля кулаками глаза и щеки, обо всем том, к чему никак не готовила ее жизнь, предсказуемая, и скучная, и спокойная, как много раз виденный фильм, реплики из которого ты можешь говорить вместо актеров.

Папа попытался погладить ее по голове, но, застеснявшись себя самой, Маша увернулась от его ладони и бросилась прочь, заткнув обеими руками рот, из которого вырывался жалостливый плач.

Владимир Сергеевич вернулся на кухню и, не сдержавшись, люто лягнул ногой невинную табуретку, грязно выматерившись вслух.

– Нет, не надо, Вова, не надо! – завопила мать, вбегая и судорожно хватая его за рукав домашней рубахи. – Она и так уже заливается... Пожалей ее, отец! Пусть лучше Маша будет лесбиянкой, чем старой девой!

Из дневника N

Вы задумывались, способны ли вы убить?

И я знаю, что вы ответили себе на этот вопрос: «Ради защиты собственной жизни, жизни своих детей и родителей...» Но ваше «да» с оговоркой означает одно: вы ничем не отличаетесь от животных. И хищники не убивают без необходимости. Они защищают свою жизнь и жизнь детей. Они просто

хотят есть...

И вы разнитесь от них лишь тем, что на ваш основной инстинкт самосохранения наложены тысячи табу. Естественность убийства скована законом, моралью и религией и даже психикой, изнасилованной с самого детства непререкаемым: «Нельзя!»

Но потребность убивать существует в каждом из нас.

«Я убью его!» – бессильно кричим мы в злобе. И десятки нереализованных убийств разъедают нам желудок нервными язвами. И каждое самоубийство – это неудовлетворенное убийство. Потому что мы убиваем себя, не в силах уничтожить другого...

Глава седьмая, в которой Катя становится очень вежливой

Не сюда ли рвался Гитлер? И зачем в сентябре 1941 г. нас посетил наследник тайных знаний и рыцарских орденов фюрер СС Генрих Гиммлер? ... Его визиты всегда преследовали скорее оккультные, чем военные цели.

Д. Вовк, А. Стеклов. «Некоторые киевские тайны»

Держа под мышкой сверток с книгой, Катя, серая и сосредоточенная, со сжатым в нитку ртом, появилась в дверях антикварного салона «Модерн» на Большой Васильковской.

– Екатерина Михайловна, – подскочил директор, уже ожидавший ее у входа на массивном модерновском диване – неизменном и непродажном символе их заведения. – Давненько вас не было! Я после вашего звонка все дела отложил. Вы ж у нас покупательница дорогая и драгоценнейшая...

У директора были седые волосы и моложавые тугие щеки. Он нравился женщинам.

– Я хочу вам кое-что показать, – окаменело сказала ему «дорогая и драгоценнейшая».

– Пожалуйста, пожалуйста, – засуетился тот, вежливо направляя ее в свой кабинет. – Кофе? Чай? Сок изволите?

Старосветские пассажи в его речи, подкупающие нынешнее «купеческое сословие», уже принявшееся рваться в аристократы, были гарантированным способом начислять лишние десять процентов сверх за «чудесную ауру сего заведения». Но «дорогая» ответить ему не «изволила».

Она деловито выложила на директорский стол огромный сверток, хмуро повела в его сторону соболиными бровями и лаконично оповестила седого о цели своего визита.

– Вы, Виктор Арнольдович, профессионал экстра-класса. Что вы можете сказать мне про эту вещь?

Директор понимающе кивнул и начал аккуратно снимать с непредставленной вещи клеенчатый кулечный покров.

– А вы, я вижу, прическу новую сделали, – попытался разрядить атмосферу он. Но клиентка еще больше почернела лицом и промолчала.

Длинные черные пряди были гладко зализаны назад и туго стянуты резинкой: Катя ненавидела, когда волосы мешают и лезут в лицо. Но сейчас у нее были особые основания ненавидеть их вдвойне.

Теперь она понимала, что раздражало ее с того самого мига, как она очнулась возле ступенек музея в паскудном белом и раскромсанных кружевных чулках. И в ее раскаленной голове вдруг завелась слабовольная мысль о жаропонижающем и тихом пуховом одеяле. Она больна, однозначно больна и вымотана до предела! Ей нужно лечь в постель, закрыть глаза, отключить телефон. И все исчезнет...

Но не исчезнет ведь!

Ее волосы – реальность. И ногти, и безумная ночь, и книга, и письмо, и тот, кто прислал его с дрессированной птицей.

Однако стоило ей прочитать само послание, как пугающее ощущение невозможности происходящего исчезло, словно мутная дурь.

«Не бойтесь, Василий не причинит вам зла! Он поможет» – это вполне прагматичное обещание усмирить разгневанного Василия Федоровича в награду за участие в разгульном ночном шабаше моментально привело ее в чувство.

Что ж... Мужчины постоянно влюблялись в Катю, и, появившись она на свет во времена инквизиции, ее бы сожгли на костре первой только за то, что, взглянув на нее, они вели себя так, точно облились двадцатью литрами водки и годами не могли протрезветь. И теперь кто-то из них, насмотревшийся американской «Игры»⁶, предлагает ей таким inferнально-шикарным способом свой член и сердце – кто-то, возомнивший себя Богом и дьяволом в одном лице, достаточно сильный и обеспеченный, чтобы прищелкнуть лысого борова одним пальцем и выстроить столь сложную игру на шахматной доске.

А оттого – опасный!

Как и любой безумец, ошалевший от собственной вседоз-

⁶ Триллер с Майклом Дугласом; герой фильма подписывает договор на участие в психологической «Игре», по ходу которой последовательно рушится вся его жизнь.

воленности.

«Черт побери, они ведь вкололи мне там какой-то гормональный препарат для роста волос! Наверняка вредный и запрещенный, иначе его бы уже использовали во всех салонах. Он – сумасшедший... И еще не факт, что я его знаю».

По дороге сюда Катя перебрала в уме всех высокопоставленных К. и Д., но не смогла вспомнить никого, подходившего под подобный психологический портрет.

Но до 7-го у нее еще было время. И давать слабину и тащиться на чью-то квартиру в центре, чтобы получить разъяснения в обмен на ее женскую «вежливость с Ним», Катя не собиралась. С «Ним» – означало с третьим!

«Они что же, по кругу пустить меня хотят?»

Игра, в которую ее втянули помимо воли, была чертовски склизкой и безжалостной. На войне, как на войне. Ее не собирались щадить.

«Доигралась, дура!»

Катя жалостливо вцепилась в свое правое предплечье, морщась от неприятных воспоминаний. Директор, которому невольно передалась нервозность клиентки, уже с суетливым любопытством обозревал темнокожую книгу.

– Я хочу знать об этой вещи все! – решительно объявила Катя. – В какой мастерской могли сделать эту подделку? Кто наиболее вероятный исполнитель? Можно ли его найти? Заказ, скорее всего, был исполнен совсем недавно.

Эксперт поднял на нее удивленные глаза.

– Но, Катерина Михайловна, – смущенно выговорил он, – это отнюдь не подделка. Вещица очень и очень древняя. Чудо, что она в таком изумительном состоянии. Похоже на Средневековье. А может...

– Вы что же, издеваетесь надо мной? Эта книга написана современным языком, без всяких там «твердых знаков»! Она даже не дореволюционная, – презрительно осадил его Катерина.

Но директор, который, по логике вещей, обязан был немедленно посыпать голову пеплом, застыдившись такого недопустимого профессионального ляпа, почему-то лишь с сомнением посмотрел на нее и, пытаясь оживить скисшую улыбку на своем лице, робко и елеинo заспорил:

– Драгоценнейшая Катерина Михайловна, вы ошибаетесь. Эта книга написана на древнерусском и от руки.

– Но я сама ее читала! – Дурацкое директорское упрямство привело Катерину в ярость. Она возмущенно встала с кресла, подошла к столу и, желая раз и навсегда покончить с этим, застопорившим дело недоразумением, неприязненно ткнула пальцем в первую попавшуюся страницу:

– «Помни, Ясная Киевица, что право твое вершить...»

Улыбка Виктора Арнольдовича конвульсивно дернулась и сдохла.

Он нервно вгляделся в текст, поворошил губами и потрясение положил руку себе на грудь.

– Не может быть, – огорошенно выговорил он. – Или вы

разыгрываете меня, или... – Директор внезапно потеплел и с надеждой посмотрел на нее. – Может, разыгрываете, а, Катерина Михайловна?

– Что? – подняла брови она.

Ее злость неожиданно отступила и терпеливо встала в очередь. С Виктором Арнольдовичем, неизменно подтянутым, лощеным и светским, четко осознающим границы, прочерченные вокруг его гоноровых клиентов, и никогда не переступающим эту невидимую черту, творилось нечто странное и подозрительное. И у Кати появилась идея...

– Не поняла. Объяснитесь! – сухо приказала она.

– С другой стороны, – тревожно сказал Арнольдович сам себе, – не могли же вы выучить ее наизусть. – Он замялся и раболепно-подобострастно пролепетал: – Не могу ли я попросить вас прочесть мне еще что-то, там, где я укажу?

– Но после этого я получу от вас полное и исчерпывающее объяснение! – безапелляционно констатировала Катя.

Директор радостно закивал, соглашаясь, и, пододвинув ей книгу, стал листать наугад толстые, негнущиеся страницы возбужденными, угодливыми руками.

– «Высуши тоску, Ясная Киевица», «Когда луна впервые взойдет весной», «Ты – его закон, но есть законы и для тебя», – послушно прочла Катя три отрывка в разных местах. – И что теперь? – уточнила она деспотично.

– Так-с, так-с... Прелестно, прелестно.

Директор вдруг странно успокоился, мертвым и бледным

покоем, и, снова сделавшись машинально вежливым, галантно пододвинул ей кресло. Затем, придерживав ее следующий вопрос жестом руки, подошел к небольшому XIX века шкафу, заставленному показательными золочеными переплетами бесконечного словаря Брокгауза и Ефрона, открыл дверь нижней секции и, порывшись в ворохе бумаг, вытащил убогую брошюрку киевского разлива с украинской молодкой на обложке. Открыл, прочитал, кивнул и бессильно опустил руки.

– Хорошо, – произнес он нехорошим и хриплым голосом. – Последний вопрос, драгоценная Катерина Михайловна. Могу я спросить, откуда у вас эта вещь?

– Не можете! – отрезала Катя, но тут же изменила своему решению. – Досталась от бабушки.

– От вашей родной бабушки? – зачем-то переспросил он.

– Да, от моей родной бабушки. А что?

– А кем, простите, была ваша бабушка?

– Учительницей! – угрожающе пророкотала Катя. – Какое это имеет отношение к книге? Я вообще ее плохо помню.

– Плохо помните? Тогда это многое объясняет, – закивал Виктор Арнольдович, как игрушечный болванчик.

– Что, простите, это объясняет? Вы мне ответите на вопрос или нет?! – уже неприкрыто заорала Катерина.

– Успокойтесь, Катерина Михайловна, успокойтесь, – механически замахал на нее руками он, словно пытаясь погасить взметнувшееся пламя. – Если у вас была такая бабуш-

ка, вам лучше лишний раз не нервничать. Простите меня, драгоценная Катерина Михайловна, но я должен сказать вам чрезвычайно важную вещь. Эта книга практически бесценна!

– И какова же ее цена? – конкретизировала Катя.

– Трудно сказать сразу.

– Скажите примерно.

– Если это действительно та самая книга... – Она увидела, что на его разгладившемся лбу выступил холодный и жалкий пот, – вряд ли на территории Украины найдется покупатель, способный выложить ее истинную стоимость. Но за границей такие любители есть. Впрочем, это, пожалуй, не имеет значения, поскольку ее все равно нельзя продать. Согласно легенде, эту вещь невозможно вывезти из Киева.

– Вы смеетесь надо мной?! – вспыхнула Катерина.

– Нисколько, – произнес он с достоинством покойника в гробу. – Просто если это действительно та самая книга, которую упоминает профессор Чуб, то это легендарная книга украинских Киевиц, в которой собраны все языческие и постязыческие обряды и заклинания. Это очень древняя и очень страшная магия рода, начавшего свое существование еще до основания Киевской Руси. Во всяком случае, так написано у Чуба, – пояснил он тоскливо. – А коли так, то, конечно, в мире найдутся ценители подобных раритетов. А среди них есть и миллионеры, и миллиардеры.

– Она так дорого стоит? – с неприязнью сощурилась До-

бражанская.

И мысль, зародившаяся в районе ее затылка, сформировалась тотчас в конкретный и неприятный вопрос: «Он с Ними заодно? Могли ли Они рассчитать, что я сразу брошусь к нему? Да, легко!»

– На свете, дражайшая Катерина Михайловна, есть немало людей, заигрывающих с сатаной, – отозвался директор скорбно. – И некоторые из них исповедуют сию религию весьма серьезно. Думаю, лет семьдесят назад небезызвестный вам Адольф Гитлер отдал бы за вашу книгу треть своей страны. Недаром его приспешники вывозили наш чернозем вагонами...

– Чернозем? – смутил Катю столь нелогичный переход на сельскохозяйственные темы.

– Все дело в земле. Так утверждает Чуб... И такие, как он, будут всегда.

– Так вы можете найти мне покупателя?

– У вас есть потребность в деньгах? – отчужденно осведомился подкупленный директор.

Катя молча кивнула, ожидая продолжения.

– Но на такую сделку понадобится много времени, – уныло протянул Виктор Арнольдович. – Кроме того, придется провести экспертизу, чтобы установить истинный возраст книги. Что же касается ее подлинности в ином плане, тут нам справок никто не даст, но я уверен...

– А почему, собственно, вы так уверены? – процедила она,

с трудом маскируя гнев.

– Потому, дражайшая Катерина Михайловна, – ответил директор глухо, – что я знаю вас уже три года. Достаточно хорошо, чтобы понять: вы невероятно занятой человек и никогда не станете зубрить наизусть шестьсот страниц малопонятного текста только для того, чтобы посмеяться над таким стариком, как я!

– Это не ответ, – спокойно заметила Катерина.

– Что ж, я отвечу, – устало согласился он. – В описании этой книги у профессора Чуба значится, что истинная Киевица прочтет ее без труда, даже если по воле судьбы она родится в чужой стране и не будет обучена родному языку. – Он протянул ей разноцветную брошюру и безучастно подчеркнул ногтем упомянутый абзац.

– А что такое Киевица? – отреагировала наконец на незнакомое слово Катя.

– Киевица, – вежливо объяснил директор, – происходит от слова «Киев» и означает – ведьма. Я могу показать вам в словаре Даля...

– Не нужно, – медоточиво сказала Дображанская. – Я вам верю.

* * *

Сгусток бредового жара под Катиным лбом становился все мучительнее и гаже. И у нее появилось дурацкое чувство,

будто именно голова и мешает ей думать.

Но она не сдавалась. Нет!

Все было спланировано тщательно и заранее! Они подкупили ее секретаршу или зама и были детально осведомлены о проблемах с конкурирующим супермаркетом. Ее подкупленный шофер специально проехал косметический салон. (А подкупленный булыжник, – иронично заспорил с Катей ее здравый смысл, – специально бросился ей под ноги, чтобы, споткнувшись, она уткнулась носом в обещание навести порчу на заклятых врагов!) Но Катя только решительно мотнула головой. Быть может, «ЦентрЪ Старокіевського колдовства» был лишь одним из кусочков сыра в многочисленных мышеловках, расставленных на ее пути, и, не сверни она туда, завтра получила бы эту книгу по почте в виде наследства от покойной бабушки...

А затем, как Они и просчитали, бросилась бы все к тому же Арнольдовичу, который должен был вывести ее на следующего «игрока».

«Они что же, за дуру меня держат?!» – несказанно оскорбилась Катерина.

Но Катя душой не была – и потому не стала орать, топтать ногами и призывать в свидетели продавцов. Неведомый К. Д. наверняка ждал от нее именно этой реакции. Но она его разочаровала. И любезно согласившись с подкупленным директором, что ее бабушка – ведьма, а книжный текст способен мимикрировать на глазах, в зависимости от того, испы-

тывает ли он к читающим родственные чувства, бесстрастно приняла предложение («учитывая вашу нужду в деньгах») остановиться на временном компромиссном варианте. И организовать ей встречу с неким проживающим в граде Киеве гражданином мира, которого может заинтересовать возможность переписать текст ее книги за пятьдесят (!!!) тысяч долларов.

Нет, не за дуру, – они держат ее за дуру из дур!

Неприятности, как обычно, липли друг к дружке – по дороге из центра Катина новенькое «вольво» вдруг громко чихнуло и заглохло. И пока она пыталась перегрызть шею шоферу Гене, обвинив того в безалаберном отношении к восьмидесятитысячной машине, ловила такси и торчала в непролазной пробке, расторопный Арнольдович успел позвонить ей на мобильный и бодро сообщить, что иностранец согласен и готов прийти хоть сейчас.

– А деньги он наличкой платить будет? – поинтересовалась Катя, сдерживая сатирический смешок.

– Могу сказать одно, – всерьез уверил ее директор, – вы получите их всенепременнейше. Господа, подобные ему, поднаторевшие на пактах с дьяволом, никогда не нарушают сих кровных обязательств... Тем более, он уже знает, кем была ваша бабушка!

– Хрен с ней, с моей бабушкой! – выругалась Катерина. – Через полчаса жду вас у себя.

«Сейчас циркача мне притащит. И тот у меня на глазах

превратит баксы в черепки», – морщинисто усмехнулась она.

Все их чудеса были шиты белыми нитками и рассчитаны исключительно на дебилов. Но масштабы этой игры пугали ее все больше и больше. Она не понимала, чего Они добиваются. Зачем сводят ее с ума?

Но было бы намного хуже, если ответ таится в самом вопросе и некий К. Д. решил последовательно довести ее до безумия.

Некто влюбленный или, что намного хуже, ненавидящий ее до сладострастия!

Некто, кого свела с ума она или, что намного хуже, взаправду умалишенный!

– Аня, – приказала Катя, добравшись до своего стола на Андреевском спуске. – Пригласите моего заместителя. И сами зайдите сюда на минутку. Нет, подождите... Все отменяется.

Она не собиралась рисковать!

Миновав свою скупленную оптом (?) приемную, начальница зашла в лифт, задумчиво погладила кнопки и, нажав одну из них, поехала на самый сумасшедший этаж, временно оккупированный пресс-центром известного музыкального фестиваля.

Там Катя оценивающе пошарила глазами в клоаке шоу-бизнеса и выудила из общего мусора и хаоса мелковозрастную жвачную девицу с красным рюкзаком за плечами.

– Можно вас на минуту? – обратилась к ней Дображан-

ская. Девушка задержанно кивнула и отошла в сторону.

– Вы журналистка? – На груди девушки висел запаянный в пластик «бейдж».

– Да, а что? – ответила та, прожевывая слова вместе со жвачкой.

– Вы здесь работаете?

– Нет, за аккредитацией зашла. А что?

– Хотите заработать сто долларов?

– Как? – уныло спросила журналистка. – Про кого писать?

– Нет-нет, – почти ласково объяснила ей Катя. – Мне нужно, чтобы вы поднялись ко мне в кабинет и высказали свое беспристрастное мнение об одной вещи. А то мои сотрудники... – Она презрительно махнула рукой, сопроводив этот жест соответствующим скептическим выражением. – Мне важно узнать свежий взгляд совершенно постороннего человека. Мой офис тут, на несколько этажей выше.

– И все? – довольно заулыбалась девушка.

– Все.

Они не медля поднялись наверх. Причем жующая упрямо терзала зубами свою резинку и с интересом поглядывала на Дображанскую – было видно, что предложенная ей миссия показалась журналистке лестной.

Девушка высокомерно посмотрела на не удостоившуюся начальственного доверия секретаршу и, оказавшись в кабинете, приняла подчеркнуто серьезный вид.

– Идите сюда, – подозвала ее Катя к столу, на котором ле-

жала «практически бесценная» подделка. – Вы можете прочитать, что здесь написано?

Девушка старательно вгляделась и недоуменно наморщила лоб.

– Нет, – ответила она вежливо. – Тут по-старому.

– А вы попробуйте, – беспокойно попросила ее Катерина. – Это же русский язык... Верно?

Журналистка удивленно дернула подбородком, деловито сплюнула жвачку в кулак и попыталась честно отработать обещанную сотню.

– «Он иже, видевши гибель ея от демона плакохуся zelo», – с натугой прозапиналась она и вопросительно посмотрела на Катю. – Еще?

Вместо ответа та протянула ей красивую хрустящую булочку и молча указала на дверь зажатой в руке сумкой.

Слов у нее больше не было. Чувств и умозаключений – тоже. Все, что составляло в совокупности Катина «Я», мгновенно объявило забастовку, отказываясь принять единственно возможный – совершенно невозможный вывод: эту случайную, выуженную ею наобум малолетку никто не мог вычислить и подкупить. А значит, книга действительно написана на языке Нестора и действительно только она одна... И прав, выходит, Арнольдович...

Но этот неумолимо возвышавшийся в конце нехитрых логических заключений вывод так и остался за воротами Катиного сознания, осажденного угрожающим здравому смыслу

рядом фактов. И она не собиралась сдавать им крепость, даже если у нее кончится пища и вода и придется есть собак и крыс.

– Катерина Михайловна, – пропел на столе искаженный голос секретарши. – К вам посетители. Виктор Арнольдович и...

– Просите, – отрешенно отозвалась шефиня.

Взамен исчезнувшего в дверях красного рюкзака появились тугие, уже успевшие порозоветь в преддверии жирных процентов директорские щеки в сопровождении высокого сорокалетнего мужчины с запертым, как сейф, лицом.

– Позвольте представить, Адриан Маркато, – пролетел мимо ее правого уха голос директора. Но фамилия иностранца растворилась в воздухе дымом, прежде чем Катя успела ее осознать.

Она машинально отметила, что туфли оставшегося бесфамильным Адриана из натуральной змеиной кожи и стоят, наверно...

«Ах, не важно».

Коротко, но подчеркнуто почтительно кивнув ей, «сейф» проследовал прямо к столу и обнял книгу нетерпеливыми руками.

– This is it! – сказал Адриан.

А затем Катя услышала страшный нечеловеческий крик и увидела, что Адриан горит, и горит книга, и стол, и картина над ним, словно ее облили струей бензина. И отлетев к стене,

ударившись плечом, обезумев, бросилась прочь.

* * *

Сорок семь минут спустя в пустынный и гулкий холл «Центра Старокіевского колдовства на Подоль» вошла длинноволосая дама с серым заострившимся лицом и пустыми стоячими глазами.

В окошке регистратуры сидела знакомая худосочная девица с вчерашним недочитанным детективом, существенно похудевшим с правой стороны.

– Здравствуйте, – обратилась к ней Катя абсолютно несвойственным ей вежливым голосом. – Я – Леся Украинка.

– Да ну! – недоверчиво хмыкнула девушка.

– Простите, – залепетала визитерша. – Лариса Косач. Вы записывали это имя вчера в журнал...

Не выпуская из пальцев разноцветную Донцову, девица недовольно перелистнула неудобной левой рукой массивную регистрационную книгу и раздраженно спросила:

– И что из того?

– Будьте любезны, если вас не затруднит, посмотрите, пожалуйста: там, после моей фамилии, должны стоять имена и координаты двух других девушек...

– Адреса не даем, – вредно заявила девица.

Катя безропотно вытащила из сумки стодолларовую ку-

пюру.

– Мне очень нужно их найти, – елеино объяснила она.

– Ух ты! – искренне поразилась Регистратура. – Ну, если так сильно надо... – радостно захлопотала донцоволюбка. – Тут всего-то одна запись – Мария Ковалева.

– Но их было две, – терпеливо напомнила Катя.

– Так, может, одна раньше записана? – резонно предположила девушка. – Ну да, вот! – обрадовала она даму. – Дарья Чуб. А вы после нее пришли.

– Выходит, одна из них стояла в очереди передо мной? – потрясенно переспросила Дображанская.

– Выходит, так, – отозвалась девица, тщетно пытаясь понять, в чем таится столь потрясший даму подвох.

– Значит, – пораженно высказала Катя вслух, – будь я нормальным вежливым человеком и пропусти ее вперед, ничего бы со мной не случилось?! О боже... – вскрикнула она впервые за последние пять лет вместо привычного «Во черт!» – Боже, боже!

Ибо обнаруженная ею Д. Чуб означала только одно: тот, кто затеял эту игру, плевал на гордую красавицу Екатерину Дображанскую. Он выбрал свою жертву наугад! Как слепо, наугад, проигрывает в карты пацанва жизнь первого прохожего. Когда они втроем ввалились в растреклятый кабинет, гимнастическое шоу Кылыны было уже в полном разгаре, а значит, не тщиься упрямая Катя влезть всюду первой, эта история произошла бы не с ней! А с блеклой ботаничкой,

которую она затормозила у самой двери, или бойкой тинейджеркой, рвавшейся втиснуться поперед батька в пекло!

С той из них, которая действительно была первой!

«Господи, за что? – заплакала Катя и, слишком хорошо зная ответ на этот вопрос, безнадежно попросила: – Прости меня, Господи. Пожалуйста! Я буду такой сдержанной, корректной, учливой, тактичной, любезной, обходительной, предупредительной, толерантной, имманентной...»

– Адреса давать? – прервала этот список Регистратура.

– Запишите, – обреченно кивнула странная дама и добавила горько: – А вы не знаете случайно, что случилось с вашей сотрудницей Кылыной?

– Так вы у нее были? Вот ужас-то какой! – сладострастно ужаснулась мисс Регистратура и затараторила вдруг, захлебываясь и старательно выпучивая «страшные» глаза: – Потолок на нее обвалился! И насмерть... Вы видели? Нет? Только не сам он... Это я уж вам говорю! Никто не понял, а я пошла и поглядела. Решеточки-то эти деревянные, – возбужденно скрестила два пальца девица, – на которых он держится, – не гнилые были! А колдуна одного в Киеве уже убили. Тело на куски порезали и в батарее их напихали, а перед тем на кол его посадили! Я в газете читала! Такой уж у нас народ. Сами к ним ходят и сами же потом убивают, когда вспомнят, какие они сильно верующие. А Кылына, вы не знаете, какая сильная ведьма была! Она мне такую одну болячку вылечила, от которой все врачи отказались. Небось и обслужить вас вчера

не успела. Вот ужас-то, ужас... Но, если вам очень надо, я могу вас на щас к сестре Анне записать!

– Нет, – вздохнула очумелая Дображанская. – Спасибо, не нужно.

* * *

– Кто там? – сурово спросила Машина мама дверь, пискнувшую робким звонком.

– Извините за беспокойство, но мне срочно нужна Мария Ковалева, – ответила ей дверь на редкость интеллигентным голосом.

Мать рванула ручку на себя и увидала в образовавшемся проеме высокую солидную даму – очень красивую и дорогую, в золотых начальственных очках, – из тех, кто инстинктивно пробуждает в обывателях испуганное, заискивающее уважение. Только с лицом начальственной дамы творилось что-то нехорошее: оно казалось мелово-серым и стянутым, как посмертная маска.

– Если ее нет, то я, с вашего позволения, подожду.

– Нет-нет, Маша у себя в комнате, – застенчиво пробормотала Анна Николаевна, пасуя перед такой уважаемой особой.

– Я могу зайти? Вы позволите?

– Да, пожалуйста, пожалуйста. Проходите...

Подпрыгивая и суетясь, хозяйка сопровождала важную

персону до запертой дочерниной двери.

– Она там, – шепотом сказала мать. И открыв глаза пошире, стала с нетерпением ждать дальнейших событий.

Красивая гостья деликатно постучала.

– Что? – откликнулись изнутри.

– Открой, пожалуйста, эта я – Катя, – вежливо попросила ее важная дама.

И чутким интуитивным брюшком мать удивленно уловила: «начальница» почему-то боится ее дочери!

– Какая Катя? – не поняла Ковалева-дочь.

– Та, с которой ты сегодня ночь провела. Мы вместе проснулись, помнишь? – пояснила красавица стыдливо.

– Входи! – взволнованно крикнула Маша.

– Отец!!! – заголосила мать и кинулась в соседнюю комнату, сметая по пути завалы газет на комод.

Владимир Сергеевич сидел на кровати и угрюмо завязывал шнурки на своих потрескавшихся рабочих ботинках.

– Ты куда это собрался? – взвилась жена.

– К Коле. Нам поговорить надо.

– Сегодня суббота! – выкрикнула в сердцах супруга. – И в доме бог знает что делается! Ты хозяин здесь или кто?

– Ну что опять? – грубо отозвался хозяин.

– У дочки-то нашей, оказывается, целый гарем! – оповестила его Анна Николаевна, – причем распирающее любопытство в ее голосе явно перехлестывало законное родительское возмущение. – Еще одна пришла – Катя! Такая краля,

что фу-ты ну-ты! И просит: «Впусти меня, Машенька, помнишь, как мы с тобой ночь провели?» Ясно тебе? А ты мне не верил. Верно люди говорят: в тихом омуте черти водятся!

– Ты ж говорила, – саркастично напомнил ей Владимир Сергеич, уже успевший смириться с очередной безумной идеей жены, – пусть лучше будет лесбиянкой, чем старой девой.

– А что? Я разве отказываюсь? – обиделась мама. – Просто мне та ее девушка не нравится. Вульгарная такая, ворюга! Раз уж так получилось, пусть Маша нормальную невесту себе найдет.

– Откуда ты знаешь, что она – невеста? Может, – жених? – невесело подколот ее Сергеич.

– Тю на тебя! – разозлилась мать. – Катя эта совсем другое дело. Красавица и не шалопутка какая-то, – серьезная, в очках. А до чего вежливая!

* * *

Оказавшись в комнате, Катя увидела сразу обеих разыскиваемых ею товарищек по несчастью.

Одна из них, рыжая, сидела на стуле у подоконника, где стояло обведенное скупой металлической рамой круглое зеркало. Вторая, с взъерошенными белыми косами, возвышалась над ней с ножницами и расческой в руках, а расстеленные под их ногами старые газеты были усыпаны искри-

стым рыжим пухом откромсанных кудряшек.

Лицо рыжеволосой в ореоле уже определившейся прически посмотрело на Катю с неподдельной тревогой.

Круглощекая физиономия белой с ходу приняла воинственное выражение.

– Ну, и где же наша книга? – задиристо спросила она. – А?

– Книга сгорела, – тускло сказала Катя.

– Вам плохо? – испуганно спросила рыжая.

– Мне очень плохо, – убежденно подтвердила Катерина.

– Как это сгорела? – наплевала на ее самочувствие блондинка.

– Я сейчас все расскажу, – ответила Катя голосом человека, готового признать себя злостным врагом народа. – Мы все в опасности. И лучше уж сейчас держаться вместе...

Покаяние получилось долгим и тяжелым и закончилось пожаром, мгновенно откусившим пол-этажа гостиницы Андреевская, надрывными sireнами пожарных и «скорой помощи», укатившей с оставшимся бесфамильным Адрианом с ожогом третьей степени, и ее напрочь потерявшим флегматичный лоск заместителем, оставшимся выяснять отношения с администрацией отеля.

Девушки с аппетитом слушали. И по ходу истории рыжая, чье не тронутое краской лицо, осененное волнующими кудрями, больше не казалось безликим белым пятном, став похожим на загадочный средневековый лик Кранаха-старшего, загоралось все радостней и ярче. В то время как белая хму-

рилась, интенсивно чесала нос и часто смущенно косилась на подругу. А как только Дображанская окончила свой рассказ, вдруг резко закинула руки вверх и, демонстративно повалившись на колени перед Машей, схватила ту за перепуганные щиколотки.

– Прости меня, Маруся! – громко и комично завывала она. – Ты – гений! А я – дура, конченная! Верю! Каждому слову верю! – И подняв на Катю торжественный взгляд, резюмировала победоносно-восторженно: – К черту всех! Мы – ведьмы!!!

* * *

– Ты понимаешь, – возбужденно вещала Даша, сидя на заднем сиденье такси и не обращая внимания на ироничный затылок водителя, с самого начала прислушивавшегося к разговору «дурных баб», – Маруся эту тему сразу расщелкала. Еще вчера вечером. Ты представляешь, какая она умная? А как тебе это письмо, Маша? – Затрясла она экспроприированным у Катерины посланием. – Есть идеи? Кто такой К. Д.? И на какую Гору он нас зовет?

– На Лысую, конечно, – расцвела Маша, впервые в жизни превратившаяся в значимую персону. Признав ее правоту, Чуб начала восторженно заглядывать ей в рот, вдыхая каждое слово.

– Все правильно, – вспомнила Даша. – На Лысой Горе у

местных ведьм самая главная тусовка.

– В смысле – центральный офис? – угрюмо уточнила Катя.

– Но шестого, наверное, будет бал, – романтично вздохнула Маша. – Как у Булгакова – бал Сатаны! – Она нежно сжала в объятиях свой пухлый рюкзак с прихваченными из дому жизненно важными книгами.

– Или как минимум дискотека, – осовременила идею Даша. – Шабаш, короче!

– А почему шестого? – буркнула Катерина.

Она искренне не могла понять, чему так радуются эти двое? Но в данный момент идиотский энтузиазм одной и не менее идиотская ведьмацкая версия другой не раздражали ее, а даже успокаивали. С появлением двух новых персонажей трагический абсурд происходящего превратился вдруг в балаганную комедию, и на их фоне Катя вновь почувствовала себя единственным нормальным человеком.

– Тю! – язвительно удивилась Чуб. (Несмотря на Катину добровольную сдачу с повинной, «крутая», разбурмакившая ее позорным синяком, по-прежнему не нравилась ей, агрессивно и неуправляемо.) – Это даже я знаю! С шестого на седьмое июля – ночь на Ивана Купала. Ты что, даже Гоголя в детстве не читала? – Между нами, Даша не читала его тоже, но купальские цитаты из Николая Васильевича были щедро приведены в книге, вдохновившей бывшего арт-директора «О-е-ей!» на наш «славянский Хэллоуин». – Я вообще не врубаюсь, – нахохлилась она на Дображанскую. – С

чего ты возомнила, что это письмо адресовано лично тебе? Тут же черным по белому написано: «ясныЕ киевицЫ». Ты же, множественное число от единственного не отличаешь?

– Но ты ведь и сама считала, что этот спектакль поставили ради Кати, а мы им случайно подвернулись. Почему же ты злишься, что она подумала то же самое? – возразила ей Маша, ободренная своим внезапно возросшим статусом.

– Это потому, что у нас письма не было, – не сдалась Даша Чуб. – Если бы я знала, что они нас на шабаш пригласили...

– Шабаш – расхожее слово, – хмуро выдавила из себя Катерина. – Так можно назвать любую закрытую вечеринку без тормозов. А то ты сама не знаешь, как большие папы гуляют. А потом он же конкретно мне дал понять, что приструнит Василия. А какое, прости, Василий Федорович к вам отношение имеет?

Чуб воззвала взглядом к Маше, надеясь, что та немедленно щелкнет Катю по носу каким-нибудь убийственно-умным ответом, но Ковалева согласно затрясла головой и опять перебежала на Катину сторону.

– Логично, – поддакнула она. – Тут много непонятного. Кто прислал нам это письмо? Что значит «на войне, как на войне»? И почему только от нас зависит, «состоится ли торжество»?

– Это как раз очень понятно, – встряла Землепотрясная. – Шабаш-то в нашу честь! Если мы не придем, он и не состоится. Ух, – возбужденно просипела она, – чувствую, ждет нас

еще одна веселенькая ночка!

– Ой, девки, влезете вы в какую-то халепу... – по-отечески проворчал молчавший доселе таксист. – Ну объясните вы мне, почему все бабы на магии помешаны? Моя, вон, тоже все травники всякие покупает.

– А по той же самой причине, – жарко оповестила его Даша, – по которой мужиков в ведьмы не берут! Вы никогда не задумывались, почему все ведьмы – женщины?

– Оно и видно, – беззлобно хмыкнул водила, косясь на Дашины папуасские косы.

– Я всегда говорила, все мы – язычники! – завела Чуб подцепленную за время подготовки к «Хэллоуину» тему. – Минимум наполовину! Почему, интересно?

– Потому, что у нас есть тело, – просто ответила Маша.

– Ну и че?

– А телом мы ничем не отличаемся от животных. Оно точно так же хочет есть, спать, греться на солнце, играть, заниматься сексом...

– Ну, про секс ты у нас много знаешь, – добродушно хмыкнула Чуб.

– Язычество – это всего лишь обожествление природы, – разъяснила ей Ковалева.

– Тогда я – язычница! – гордо объявила Землепотрясная. – Я природу просто обожаю. Солнце, море, травку...

– Трахаться! – попыталась воскреснуть Катя. – Знаете, мне все же кажется, что я чего-то не учла... Пожар устрои-

ли, это ясно. Но журналистка... – Дображанская безнадежно вздохнула.

– Здесь, здесь остановите, – застучала Даша шоферу по спине.

Слева от них проплыли похожие на размокший сладкий пряник Золотые Ворота, а впереди уже маячил подтянутый и гордый, похожий на дворец из западных сказок дом в остроконечном колпаке крыши.

*«Прочие объяснения вы получите в башне первого дома на Ярославовом Валу, если будете вежливы с Ним.
К. Д.»*

– Возле первого, – уточнила Даша, не сводя глаз с дворца. Тот, с кем им необходимо было быть вежливыми, обосновался в одном из самых красивых домов Киева!

– Расплатись, – приказала Чуб отбывающей епитимью Кате и, выпрыгнув из машины, восторженно задрала подбородок.

Легкомысленное июльское солнце, щурясь из-под сахарно-ватных облаков, подсластило давно жаждущий ремонта фасад дома № 1, и сейчас он, каралово-розовый, с готическим кружевом балконов и высокой башней-фонарем, поддерживаемой снизу двумя серыми химерами с острыми перепончатыми крыльями и львиными головами на мускулистых мужских телах, показался Даше волшебным-прекрасным.

– Неплохой домик. И квартиры здесь недешевые. Толь-

ко запущенный очень. — Катя окончательно успокоилась и неодобрительно поглядела на уютившийся под самым «колпаком» балкон с обрушившимися перилами.

— Башня, — оценила пейзаж Даша, — это должно быть на самом верху. Это его балкон, — ткнула она пальцем в лишившийся безопасной ограды бетонный четырехугольник. — И-и-интересно все-таки, кто там живет? Может, сам К. Д.?

— Тогда зачем ему писать о себе в третьем лице? — опровергла идею Маша и, не сдержавшись, ляпнула потаенное: — А вдруг сам Воланд, как у Булгакова?

— Воланд — на «В», — резонно заметила Чуб.

— Кто бы он ни был, — вернулся к Кате ненадолго дезертировавший с поля боя начальственный тон, — он действительно объяснит мне сейчас все! Идемте.

— А ты не командуй, — одернула ее Даша, двигаясь следом.

Полукруглая арка с тяжелой дверью завела их во внутренний двор, и, сворачивая в подъезд, Маша прочла на косо стоптанном мраморном пороге выложенную черной мозаикой надпись «Salve».

— Это по-латыни «здравствуй»! — взволнованно перевела она своим спутницам.

— И вам привет, — рассмеялась Даша, входя.

Они поднялись по широкой мраморной лестнице, совсем не по-сказочному грязной и запущенной, закруглившейся на последнем этаже Г-образной площадкой. Все три выжидательно молчали, интенсивно раздумывая про себя: кто же

живет в этом теремке? Старик? Мальчик? Человек? Колдун? Злостный мистификатор? Дьявол?

Шествовавшая впереди Даша Чуб, уже державшая наготове один из трех диковинных ключей, придирчиво осмотрела две двери без каких-либо опознавательных номеров и табличек, решая, какая из них ведет в башню, и даже на всякий случай выглянула в окно.

– Эта, – провозгласила она убежденно. – Только вот, – засомневалась она вдруг, – вежливо ли это – так вламываться? Может, лучше сначала позвонить?

– Обойдутся, – раздраженно фыркнула Катя, решительно оттесняя ее плечом. – На мою вежливость пусть не рассчитывает. Пусти-ка.

Она вытащила из сумки персональный дубликат и с угрозжающим видом вставила его в замок, – кошачья голова ключа бесшумно повернулась, высокая дверь поехала внутрь. Катя бесстрашно шагнула в коридор и вопросительно покачала глазами влево-вправо.

– Эй, есть здесь кто? – позвала она.

Даша и Маша последовали за ней.

Коридор был огромным и темным, с уходящим в небо потолком, без труда вмещавшим в себя бесчисленное количество шкафов.

– Есть тут кто-нибудь? – начальственно-громко гаркнула Катя, раздосадованная абсолютной тишиной.

Даша, энергично похлопав по стене, нащупала металли-

ческий выключатель, – на четырехметровой высоте вспыхнула старинная пятирожковая лампа. И они увидели, что в завешенном золотым плюшем проеме комнаты, словно актеры, появившиеся из-за кулис на зов аплодисментов, стоят три разномастные кошки и настороженно смотрят на них.

– Вау! – поразилась Чуб. – Да тут их целое стадо.

Первый, несомненно кот, размером с крупного спаниеля, черный и лобастый, с увесистыми лапами и одним лихо надорванным ухом, злобно оскалился в ответ и, спружинив великолепным двухметровым прыжком на близстоящий шкаф, зашипел на них, грозно выгнув спину. Вторая, белая, задумчиво подняла переднюю лапку, будто решая, подойти к ним поближе или не стоит. Рыжая неуверенно замурчала.

– Какие милые, – умилилась Маша и потянулась рукой к белой, чтобы погладить. Но та демонстративно отступила на шаг, не сводя с нее серьезного, изучающего взгляда, в котором, впрочем, не было и тени страха. Рыжая же, напротив, незамедлительно сорвалась с места и, утробно, громко мурча, сама полезла под протянутую ладонь, выражая полную готовность к этой чудесной процедуре.

– Ненавижу кошек, – брезгливо сказала Катя. – У меня на них аллергия!

– На ведовских кошек не бывает аллергии, – заспорил с ней спокойный женский голос.

Троица нервно завертела головами в поисках хозяйки дома, зачем-то рекомендованной им в мужском роде.

– Где вы? – не выдержала Катя, с подозрением всматриваясь в золотистый занавес.

– Я здесь, – сказал голос, аккуратный и тщательный, как у телевизионных дикторов 80-х годов. – Меня зовут Белладонна.

Глаза девушек одновременно скрестились в одной точке, у самого пола.

– Черный – Бегемот, а рыжая – Изида. Но мы зовем ее просто Пуфик.

Белая кошка открывала рот, а оттуда...

– Проходите и чувствуйте себя как дома, – почтительно сказала кошачья блондинка.

Глава восьмая, в которой Маша безуспешно пытается сосчитать киевские Лысые Горы

Во Франции главным местом колдовских сборищ почитался Руу де Доме. В Германии – Блоксберг, Хорсельберг, Бехтельсберг и многие другие горы. В Швеции – Блакулла. В Испании – ланды Бараона и пески под Севильей. В Италии – знаменитое сборище – у Беневентского орешника (Nose di Benevento), гора Патерно близ Болоньи, гора Спинато близ Мирандолы. В Литве – гора Шатрия, в польских Карпатах – Бабья Гора. В России – Лысая Гора близ Киева.

А. Амфитеатров. «Дьявол»

Катя стремительно побледнела, бессмысленно выпучив глаза.

Маша замерла с зависшей над кошачьей спиной рукой. Рот Даши вытянулся длинным «О».

– Дур-р-р-ры!!! – раскатисто прошипел Бегемот со шкафа. – Ни чер-р-р-р-р-та не знают и лезут к чер-р-р-рту в пасть!

– Не обращайтесь внимания, – светски промурчала Белла-

донна. — Он признавал только Кылыну.

— А-а-о-о... — нечленораздельно простонала Катя и, рывком закрыв ладонями уши, кинулась в комнату.

Белладонна отпрыгнула, спасаясь от невидящих Катиных ног, и удивленно посмотрела ей вслед длинным невозмутимым взглядом. Рыжая Изида Пуфик даже не обернулась — только недовольно и требовательно ударила Машу мягкой лапкой по застывшей в воздухе ладошке: «Ну, гладь, чего остановилась?»

— Землепотрясно, — ошалела от удивления Чуб. — Говорящие кошки. Вот это финт!

— А вы действительно говорите? — огорошенно промямлила Маша. — Или это мы вас понимаем?

Белладонна нравоучительно взглянула на нее: «А не софистика ли это, деточка?» — и двинулась в комнату, приглашая их за собой.

— Стойте, — испуганно вскрикнула Маша. — А можно вас попросить, — зашептала она, нервничая и извиняясь глазами, — чтобы вы чуть-чуть помолчали? Вы видите, женщине очень-очень плохо.

— Как угодно, — с достоинством ответила Белладонна.

— Они пр-р-р-р-ростолоудинки. Они нам не указ! — зарычал Бегемот.

— Они — люди. И их трое, — весомо возразила белая кошка и нырнула под золотой плюш.

Кот беспардонно фыркнул и, пролетев черной бурей пря-

мо у них над головами, понесся куда-то за угол коридора, поскользываясь когтями на паркете.

Комната оказалась совершенно круглой, одетой в кольцо уходящих к потолку книжных шкафов, расступившихся лишь для того, чтобы дать место дверям, входной и балконной, поместившейся прямо напротив, и еще огромному и безмолвному камину. Широкую каминную полку поддерживали головами три двухметровые черномраморные кошки: одна – слева и две – справа.

Сверху висела облупленная картина. И даже не картина, а фреска в византийском стиле, написанная на каменном пласте, – вроде тех, что сохранились на стенах древней Софии Киевской, запечатлевших семью возведшего ее Ярослава Мудрого. Плоское поясное изображение «византийки» в голубом платье держало в руке кособокие весы с опустившимся левым «плечом»...

Несмотря на умопомрачительное множество книг, вещей и вещиц, в комнате царил удивительный, почти музейный порядок. И верно, потому Маша, всегда чувствовавшая себя как дома в библиотеках и музеях, точнее, только там и чувствовавшая себя по-настоящему дома, иступленно закачала головой. Это была мечта, воплощенная и невероятно прекрасная!

– Не понимаю я тех, кто от старья фанатеет! – Даша явно испытывала здесь прямо противоположные чувства. – Даже странно, что тут телевизор есть. – Она подошла к вписав-

шесюся в книжные полки черному ящику и, отыскав пульт, защелкала по каналам, безучастно вглядываясь в обрывки дневных сериалов и хвосты репортажей и передач.

А Маша подумала: в чем-то Чуб, безусловно, права – и телевизор, и программа передач, лежавшая на тонконогом дамском бюро черного дерева рядом с допотопным, с ушастыми клавишами, телефоном, смотрелись тут таким же моветоном, как и сам «ходячий моветон» – Даша Землепотрясная.

– Это она! – прохрипела Катя.

Девушки дружно обернулись и только теперь заметили некий интригующий предмет, лежавший на столике у камина, – большой и тяжелый, в темном переплете, оканчивающемся двумя фигурными металлическими застежками. Женщина, напоминая замороженный в холодильнике прозекторской труп Кати, сидела сгорбившись на диване, глядя на него, как на собственный смертный приговор.

– Я схожу с ума! – страшно сказала она, и ее палец испуганно задрожал в направлении мучительного предмета и отдернулся, боясь соприкоснуться с ним кожей. – Это она – та, та самая книга!

Маша подошла к ней.

– Наверное, их просто было две, – предположила она.

Огромный том, возлежавший на зеленой малахитовой столешнице, и впрямь казался однойяйцевым близнецом первого, украденного Катей и сгоревшего в пламени огня. Но

почему бы человеку, – или нечеловеку? – проживавшему в этой чудесной квартире, не иметь у себя точно такую же книгу?

– Я же целый день с ней таскалась! – будто прочла ее мысли Катя. – Вон царапина. И ржавчина на нижней застежке. Откройте, если там нет 104-й страницы... – В ее голосе слышался приближающийся шторм истерики.

Даша, вызывающе хмыкнув («Ну и размазня ты, тетя!»), бестрепетно склонилась над столом и, расцепив металлические застежки, стала переворачивать толстые, непослушные листы.

– 99-я, 102-я, 104-я... Тю! Точно нет, – оповестила она, вглядываясь в неровные зубья оборванной бумаги.

Не слишком испугавшись своему открытию, Чуб сбросила страницы вправо и прочла на титульном листе:

Слава тебе, Ясная Киевица!

Да пребудет сила с тобой, когда ныне, как и в любую иную ночь, стоя на горе, породившей Город, ты, заведев на небе красный огонь, полетишь туда, чтобы остановить то, что может нарушить Истину...

– Ты читаешь? На каком языке это написано? – всполошилась Катя, и в «теткином» вопросе прозвучала такая сумасшедшая надежда, что Даша даже не смогла съерничать ей в ответ.

– На русском, – недовольно буркнула она.

– На современном русском?

– Да не очень. Кто сейчас так пишет? «Слава тебе», «Да пребудет сила с тобой».

Катя окинула комнату просветленным взором и наткнулась взглядом на Белладонну.

– Мау, – старательно сказала белая кошка с неисправимым человеческим акцентом. И помолчав, добавила для пущей убедительности: – Мау. Мау.

– Мне померещилось! – с несказанным облегчением огласила Катя миру. – Журналистка – подстава. Книга – фуфло. Она не сгорела, они привезли ее сюда!

– Ну и что нам теперь с этой Фомой Станиславской делать? – пренебрежительно поинтересовалась Чуб, лихо объединяя в единый образ двух легендарных неверящих.

Катя уставилась на Машу сверлящим вопрошающим взглядом, ожидая, что хоть та согласится с ее реалистичными доводами. Маша натужно молчала. Ситуация была пиковая. Спорить с Катей означало выбить почву у нее из-под ног. Признать ее правоту – повесить ту, как жернов, себе на шею и мяукать в ее присутствии, словно кошки, делая вид, что ничего не произошло.

– Послушайте, – приняла Соломоново решение Ковалева, – по-моему, вам лучше лечь и немного отдохнуть. Нам ведь все равно нужно хозяина дожидаться. А у вас, кажется, температура. – Она деликатно коснулась Катиного лба и попыталась уложить красивую брюнетку на диван.

К ее глубокому удивлению, женщина не сопротивлялась.

– А у меня анальгин и аспирин есть... Я вам сейчас дам, – зачастила Маша.

– А на фига ты их с собой таскаешь? – искренне изумилась Землепотрясная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.